С. И. ДУДНИК

МАРКС ПРОТИВ СССР

Сергей Дудник

Маркс против СССР. Критические интерпретации советского исторического опыта в неомарксизме

«Фонд развития конфликтологии»

2013

УДК 94(47+57)
ББК 66.1(2)6:66.2(2Рос)

Дудник С. И.

Маркс против СССР. Критические интерпретации советского исторического опыта в неомарксизме / С. И. Дудник — «Фонд развития конфликтологии», 2013

ISBN 978-5-02-038357-9

Важнейшей проблемой данной книги является вопрос о природе социализма, об успехах и неудачах советского исторического опыта воплощения социалистической идеи. Актуальность данной проблемы обусловлена процессом формирования в России нового гражданского общества, а также продолжающимися в условиях экономического и социального кризиса поисками альтернативных путей общественного развития. Современные процессы глобализации, порождаемые ими противоречия выдвигают перед сознанием наших современников проблему реактуализации марксизма. Понимание проблем современного мира, необходимость предвидения его изменений требуют обращения к творческому, критическому марксизму, к марксизму, накопившему значительный методологический опыт исследования социальных процессов, а не к марксизму как к догме и канонизированной идеологии. Для специалистов в области общественных наук, для всех, кого искренне интересуют проблемы и противоречия современного мира и России наших дней.

УДК 94(47+57)
ББК 66.1(2)6:66.2(2Рос)

ISBN 978-5-02-038357-9

© Дудник С. И., 2013
© Фонд развития конфликтологии, 2013

Содержание

Предисловие 7
Глава 1. Курс на построение социализма в отдельно взятой стране 11
1.1. Критика справа: тезис о преждевременности русской революции 11
1.2. Критика слева: отложенная мировая революция и бюрократическое перерождение советского государства 23
1.3. Превращение марксизма в идеологию 35
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Сергей Иванович Дудник
Маркс против СССР
Критические интерпретации советского исторического опыта в неомарксизме

© С. И. Дудник, 2013
© Издательство «Наука», 2013
© П. Палей, оформление, 2013

Предисловие

Еще совсем недавно намерение написать книгу о марксизме, связывая ее с реалиями нашей действительности, показалось бы по меньшей мере странным. Все классические марксистские схемы представлялись бесповоротно устаревшими. Образ рабочего, долгое время претендовавший на центральное место в общественном спектакле, вначале потерял внимание со стороны средств массовой информации, а затем и вовсе исчез из поля зрения. Да и в то время, пока это еще не произошло, его было довольно трудно отождествить с пролетарием Маркса, которому, как известно, было нечего терять, кроме своих цепей. Казалось, что мир необратимо изменился – не в том смысле, что он стал более справедливым, но в том, что для его описания необходимы иные понятия, более современные. Было бы странно обращаться к понятию «пролетариат», так как все сходились во мнении, что оно пригодно лишь для описания явлений, оставшихся навсегда в прошлом. Если бы знаменитая книга Г. Лукача «История и классовое сознание», самая важная глава которой называлась «Овеществление и сознание пролетариата», была издана у нас в 90-х годах, то она скорее всего была бы встречена язвительной критикой. Фигура рабочего, создающего все общественное богатство и в то же время живущего в нищете, воспринималась большинством как абсолютный анахронизм.

Но в первом десятилетии XXI века все переменилось настолько, что не будет преувеличением сказать, что мир вернулся во времена Маркса. Тот, кто пользуется последними моделями iPhone и iPad, вряд ли не знает, что они произведены на расположенных в Китае заводах, где собирается большинство продуктов Apple. Там же находятся заводы и других производителей электроники. В целом понятно, что главная причина размещения этих заводов в Китае – дешевая рабочая сила. Но просочившиеся в прессу сведения об условиях труда на этих предприятиях – 60-часовая рабочая неделя, отсутствие перерывов, расселение рабочих в общежитиях, лишенных элементарных бытовых условий, использование детского труда и т. п. – сразу же вызывают в памяти страницы «Капитала», описывающие нечеловеческие условия труда и повседневной жизни пролетариев.

В других странах третьего мира чаще всего положение рабочих еще хуже. Так, например, промышленность Индии «славится» тем, что в ней отсутствуют даже самые элементарные экологические ограничения. Именно здесь произошла самая крупная по количеству пострадавших техногенная катастрофа. 3 декабря 1984 года на заводе компании Unione Carbide в индийском городе Бхопал произошел аварийный выброс паров метилизоцианата. За полтора часа в атмосферу было выброшено около 42 тонн ядовитых паров. Пострадали близлежащие рабочие кварталы, где погибло 18 тысяч человек. Общее число пострадавших оценивается в 600 тысяч человек. Даже сегодня, когда работа завода приостановлена, на наиболее зараженных территориях возле него продолжают жить люди.

И это далеко не единственный случай: во многих городах Азии, Африки, Южной Америки деятельность промышленных предприятий привела к необратимому загрязнению окружающей среды токсичными и опасными для жизни отходами. В этих городах наблюдателей поражает не только ужасающая нищета, но и самоубийственное стремление местных жителей получить на таком смертоносном предприятии работу.

Описанный Марксом пролетариат, исчезнувший в европейских странах, появился вновь – теперь уже в третьем мире. Благоприятный климат позволяет новым пролетариям уже не тратиться на сооружение лачуг, а жить в картонных коробках на мусорных свалках, а то и на кладбищах, что в перспективе также создает еще одну статью экономии расходов. Дешевая смерть делает жизнь еще более дешевой. Различие в уровне жизни в странах третьего мира измеряется тем, что если, например, в Камбодже, беднейшей стране Азии, даже самый бедный

житель может приобрести старенький мотобайк, то во многих странах Африки велосипед, стоящий 20–30 долларов, является недоступной роскошью.

Но сейчас, чтобы увидеть описанного Марксом пролетария, необязательно ехать куда-то в Азию или Южную Америку. Достаточно посмотреть на наших гастарбайтеров, которые хотя и не работают на заводах (потому что их уже нет в России), но безусловно заняты «общественно необходимым» трудом – строят дома, убирают улицы, водят маршрутные такси и т. д. Самая неквалифицированная и самая низкооплачиваемая работа является их участью. Это и есть те «проклятьем заклейменные», тот «мир голодных и рабов», о которых говорит Маркс. Их классовое сознание находится на самом низком уровне, так как их объединяет не требование упразднения частной собственности, но ненависть к «белым» рабовладельцам. В современной России появился не только обнищавший пролетариат с окраин Советского Союза, но и противостоящий ему правящий класс. Эти два класса еще далеко не полностью осознают свои интересы, и поэтому не понимают, почему их разделяет столь сильная ненависть. Они еще стихийно ищут какое-то подобие классовой идеологии, которая позволила бы им оправдать свое положение в мире и сформировать законченное представление об идеальном общественном порядке.

Удивительно, что все это уже происходило в истории человечества, все это было описано классиками марксизма, и теперь повторяется вновь. Лишнее подтверждение той саркастической формулы, что история учит лишь тому, что она ничему не учит. Объявив марксизм устаревшей теорией, мы внезапно оказались в реальности, которую только марксизм исчерпывающим образом и объясняет. Мы именно теперь и живем в мире, где капитал покупает рабочую силу по цене ее воспроизводства, и все, что эту цену хоть немного увеличивает, достигается кровью и потом борьбы пролетариата за свои права. Русским в России платят больше, чем таджикам, только потому, что в головах работодателей со времен школьных уроков сохранились туманные знания о русских революциях начала XX века. Объяснять этот факт расовой или национальной солидарностью значило бы игнорировать любую, даже самую элементарную социальную теорию. Правоту марксизма мы можем осознать не вследствие ученых дискуссий, а ощутив ее, как говорится, на собственной шкуре. При самом оптимистичном сценарии дальнейшего развития нашей страны мы оказались в положении путешественника во времени из знаменитого романа Герберта Уэллса – мы вернулись в собственное прошлое, чтобы на личном опыте убедиться, насколько Маркс был прав.

В русле такого рода общих представлений и формировалась идея этой книги. Возвращение «назад, к Марксу» с целью критической оценки того исторического опыта построения общества социализма, который был приобретен нашей страной в прошлом столетии. Основанные на марксистской социальной теории оценки этого опыта весьма разнообразны. Одни из них основаны на отказе признавать опыт СССР социалистическим, так как необходимое для социализма сочетание политической и экономической демократии в советском опыте достигнуто не было. Другие, отталкиваясь от признания, что СССР все же двигался по социалистическому пути, связывают неудачи советского опыта с тем, что он осуществлялся в исторически отсталой стране. Наконец, есть теории, согласно которым, социализм в СССР «перерождается», будучи не в состоянии ответить на вызовы постиндустриального этапа модернизации. В силу идеологических причин любая критика советского опыта во времена СССР категорически отвергалась. Теперь возможен и необходим иной подход к этой критике, который адекватно учитывал бы все ее сильные и слабые стороны. Более того, необходима адекватная оценка советского периода как закономерного этапа в истории России, его отрицательных и положительных сторон.

Следует сразу же сказать, что опыт западноевропейского марксизма в накоплении и систематизации такого рода критических оценок не играет решающей роли в решении поставленной нами задачи. Конечно, знакомство с книгой Г. Лукача «История и классовое созна-

ние», а также с работами Франкфуртской школы дает немало нового. Но в каком-то смысле это запоздалое чтение также представляет собой путешествие во времени. Нетрудно составить общее представление о том пафосе, который объединяет, точнее, объединял все идейное многообразие, представленное западноевропейским марксизмом, в цельное и более-менее законченное течение. Это пафос радикального освобождения жизни, общества и природы из-под той власти, которую установил над ними капитал. Поэтому тема отчуждения была центральной для всех теоретических дискуссий внутри западноевропейского марксизма. Любые проблемы – как политической философии, так и философии истории – рассматривались в контексте капиталистического проекта эксплуатации человека человеком. Отсюда характерная для Франкфуртской школы, а в определенной мере и для всего западноевропейского марксизма идея, что истоки актуального безраздельного господства капитала лежат в рациональности, утвержденной в эпоху Просвещения. Западный мир не способен измениться изнутри, и ему не остается ничего другого, кроме ожидания грандиозного события, которое вернуло бы жизни европейца историческое измерение. Поэтому как только маоистский Китай начал представлять собой политическую силу, с которой Запад был вынужден считаться, так сразу же надежды западноевропейского марксизма были обращены на Восток. Критический настрой западного марксизма, его этическое и политическое мышление закономерно становится «подрывным», субверсивным. Капиталистической эксплуатации и дегуманизации западноевропейский марксизм противопоставляет возможность превращения всей социальной и культурной реальности в пространство тотального сопротивления. С точки зрения западного марксизма это тотальное сопротивление должно быть развернуто на два фронта – против либеральной (и в крайней форме фашистской) и социалистической (в крайне форме сталинистской) организации господства капитала. Советский исторический опыт, таким образом, исчерпывается тотальностью капиталистической эксплуатации, он устраняет лишь индивидуальную форму эксплуатации, но не устраняет саму эксплуатацию, наоборот, сообщает ей всеобъемлющий характер «эксплуатации всех всеми». Согласно убеждению, разделяемому большинством представителей западноевропейского марксизма, «советский режим ни в коей мере не является социалистической системой… социализм несовместим с бюрократической, ориентированной на потребление социальной системой… он несовместим с тем материализмом и рационализмом, которые характеризуют как советскую, так и капиталистическую систему».[1]

Иными словами, ничего, кроме тотальной системы капиталистической эксплуатации, кроме различных вариантов этой системы, с точки зрения западноевропейского марксизма в мире не было и нет. В этом смысле проблема, которой посвящена эта книга, в западном марксизме не может даже возникнуть, так как объектом критики всегда является только система капитала, принимающая в своем развитии многообразные формы. В то же время характерная для западного марксизма готовность видеть за этим многообразием единую основу выгодно отличает его от советского марксизма, который не был склонен отходить от хорошо известного схематизма в критике противостоящей системы. Такой схематизм помешал зафиксировать и осмыслить ряд важнейших трансформаций этой системы. Он, в частности, помешал установить тот факт, что классическая последовательность «абстрактный труд – стоимость – деньги» оказалась преобразованной в совершенно новую фигуру, олицетворяемую финансовым капиталом. Господство капитала также приняло новую форму, так как от контроля над производством товаров капитал перешел к контролю над жизнью – разумеется, не над жизнью вообще, а в той мере, в какой эта жизнь необходима для производства. Именно эта трансформация стала причиной возникновения Welfare State (государства всеобщего благосостояния), и именно с этой новой формой в западном марксизме связывалось объяснение природы советского строя. Трансформации был подвергнут и краеугольный камень марксисткой теории – закон стои-

[1] *Фромм Э.* Из плена иллюзий // Фромм Э. Душа человека. М., 1998. С. 545.

мости. Теперь в стоимость, помимо общественно необходимого рабочего времени, пришлось включать кооперацию, механизмы коммуникации, работу социальных служб и т. д., поскольку все эти факторы оказались прямо задействованными в процессе создания стоимости. В западном марксизме это послужило поводом для рассуждений о «коммунизме капитала».

Управление капиталом, прежде сосредоточенное на самом предприятии, утверждается на уровне общества в целом. Это предопределяет появление новых механизмов угнетения, связанных с суггестивным воздействием на психику, с манипуляциями сознанием, с использованием особых языковых форм. Отсюда новые формы классовой борьбы, выражающиеся в создании новых прав на общественные блага, прав, очевидным образом противостоящих праву частной собственности. Конечная цель – упразднение тех форм доступа к общественным благам, которые существовали в форме одалживания, кредитов, и формирование новых способов, основанных на требовании «социальной ренты». Дело даже не в каких-то конкретных формах борьбы, а в том факте, что когнитивный труд производит альтернативные возможности развития, механизмы разрешения конфликтных ситуаций, способы выхода из кризиса. Диалектика, по выражению Г. Лукача, перестает быть привилегией сознания пролетариата и становится теоретическим оружием капитала, который использует его с целью развития и организации общества. Здесь речь идет не только о часто цитируемых случаях внимательного прочтения марксова «Капитала» теми, кто управляет реальным капиталом, но и о том, что современное общество, все чаще и чаще описываемое в категориях глобального кризиса, испытывает острую теоретическую потребность в философии, дающей глубокое понимание настоящего. Марксизм, по нашему убеждению, один из самых реальных претендентов на роль такой философии.

Глава 1. Курс на построение социализма в отдельно взятой стране

1.1. Критика справа: тезис о преждевременности русской революции

Сегодня русские революции начала XX века представляются весьма далекими событиями, мало связанными с современностью, о чем, казалось бы, свидетельствует среди прочего и то, что они, как и любые события древности, обросли мифами, легендами, а мемуары непосредственных участников не содержат ни одного упоминания ни об одном каком-либо факте, в отношении достоверности которого все были бы единодушны. В то же время, если судить по проклятиям в адрес революционных событий начала XX века, раздающимся с одной стороны, и по не менее гневным отповедям, звучащим в ответ с другой, то, возможно, следует сделать вывод, что эти события все еще продолжают будоражить русский дух, а значит, все еще сохраняют для него свою притягательность и свою тайну. И даже при самом поверхностном взгляде на данный вопрос нельзя не признать, что почти все историческое развитие России в XX веке находилось в непосредственной зависимости от драматических событий Октября 1917 года, которые в свою очередь были бы невозможны без революции 1905–1907 годов и без Февраля 1917 года. Более того, и сами эти ключевые события истории России XX века не были, как это иногда пытаются доказать, следствием исключительно внешнего вредоносного влияния на мнимую идиллию русской монархии. Эти революции были органичны русской истории, как органичной ей была и идея «русского коммунизма». В этих революциях как в фокусе сконцентрирован ряд характерных черт русской ментальности, «русское» отношение к собственности, «русское» отношение к труду, «русское» представление о природе власти и государства и т. д. Поэтому осмысление революций начала XX столетия в каком-то смысле является ключевой проблемой для осмысления глубинных противоречий русской истории вообще, по крайней мере нельзя понять историю России, не постигнув смысла этих революций, и, следовательно, того длительного периода русской истории, который они предопределили.

Пока на данный момент, в первые десятилетия XXI века, остается превалирующим представление, что именно эти революции и завели наше отечество в тупик. В каждом отдельном случае такое мнение, вероятно, нетрудно опровергнуть, гораздо сложнее найти причины того, почему оно столь часто воспроизводится в самых разных формах. В то же время бесспорен приоритет научно обоснованного суждения перед обыденным сознанием. И в этом отношении не может остаться незамеченным тот факт, что в постсоветские десятилетия, свободные, казалось бы, от идеологического принуждения, в отечественном общественном сознании не появилось ни одной интерпретации истории, которая хотя бы частично могла соревноваться с марксистской интерпретацией. Марксистские же интерпретации русских революций, совсем не обязательно совпадающие с догматикой «советского марксизма», основываются, как правило, на признании решающей роли революций в истории и исключают их трактовку в качестве событий, спровоцированных внешними враждебными силами.

Поэтому анализ критических интерпретаций советского исторического опыта, выдвинутых в рамках марксизма, было бы целесообразно начать с теорий, обосновывающих историческую преждевременность русских революций. Все они в конечном счете сводятся к убеждению, что Октябрьская революция как кульминация русской революции, хотя и не была бессмысленна, но стремилась, в сущности, к невозможному, стремилась достичь желаемого сразу же, одним актом, тогда как движение к любой цели обязательно предполагает прохождение через

необходимые промежуточные стадии. Революция, согласно такому представлению, есть сложное, противоречивое единство скачка и постепенности, прерывности и непрерывности, и если в революционных событиях ставка делается на один момент – в случае русских революций на момент скачка, разрыва, – то историческая трагедия оказывается неизбежной. Отметим, что обоснование представлений о преждевременности русской революции предстает в виде обращения к аутентичности марксизма, к авторитету его классиков. «Как заметил Энгельс, для всякого данного класса нет большего несчастья, как получить власть в такое время, когда он, по недостаточному развитию своему, еще не способен воспользоваться ею надлежащим образом: его ожидает в этом случае жестокое поражение. Что касается нашей трудящейся массы, то ее поражение было бы тем неизбежнее, в случае захвата ею власти, что, как это всем известно, Россия переживает теперь небывалую экономическую разруху. Кто согласен с этим, – а с этим согласно огромное большинство наших организованных демократов, – тот должен наконец сделать правильный политический вывод им самим признаваемых посылок: он должен разъяснить трудящейся массе, что русская история еще не смолола той муки, из которой будет со временем испечен пшеничный пирог социализма…»[2] Данная позиция сразу же приобрела не только теоретическое значение, но стала программной для лидеров русской социал-демократии и меньшевизма.[3]

Утверждение о преждевременности русской революции основывалось на вполне правомерном представлении о том, что она является следствием целого комплекса проблем, возникших еще в XIX столетии, что она органически вытекала из всей совокупности фактов прошлого и настоящего. Особое значение из этой совокупности фактов русские марксисты единодушно отводили реформе 1861 года, которая и создала почву для революционного решения аграрного вопроса. Но между реформой 1861 года и революцией 1917 года не было жесткой механической связи, революция не была предопределена, радикальное решение вопросов, не решенных в 1861 году, было обусловлено накоплением и обострением противоречий иного плана. Перед Россией открывалась возможность и реформистского решения аграрного вопроса, и именно эту цель ставил перед собой П. А. Столыпин, но соотношение политических сил, участие России в мировой войне и иные обстоятельства не позволили эту возможность реализовать.

В то же время на формирование представлений о преждевременности русской революции оказывала серьезное влияние идея «догоняющего» или «запоздалого» развития России, которая впервые была сформулирована еще историком С. М. Соловьевым в «Публичных чтениях о Петре Великом» (1872): «Простые условия детских перегонок и конских скачек не могут быть сравниваемы с необыкновенно сложными условиями исторического развития народов. Русский народ не отстал по своему развитию от других европейских народов, а только запоздал на два века благодаря тем неблагоприятным условиям, которые окружали его со всех сторон до самого Петра. Разница двух понятий очевидная: отсталость нашего народа предполагает в нем меньшие внутренние силы, меньшую способность к развитию сравнительно с другими народами Европы, а запоздалость – только менее благоприятный исход этого развития благодаря чисто внешним влияниям».[4] Согласно Соловьеву, Россия принадлежит к христианской цивилизации, что гарантирует ей историческую общность с судьбами Европы. Однако уже ученик Соловьева В. О. Ключевский осознавал, что отставание России от Европы не имеет исключительно количественного характера, что проблема соотношения Востока и Запада гораздо сложнее, и что движение отставшей страны вслед за развитыми не может

---

[2] *Плеханов Г. В.* Логика ошибки // От первого лица. М., 1992. С. 19–20.

[3] *Горький М.* Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (Новая жизнь. 1917–1918 гг.) // Несвоевременные мысли. М., 1990; *Мартов Л.* Что же теперь? // Новая жизнь. 1917. 16 (29) июля; *Мартов Л.* Наши задачи // Искра. 1917. 26 сентября; *Плеханов Г. В.* О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас весьма интересным // От первого лица. М., 1992. С. 44; *Чернов В. М.* Анархистствующий бланкизм // Дело народа. 1917. 13 июня.

[4] *Соловьев С. М.* Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984. С. 209.

быть повторением того пути, по которому когда-то эти развитые страны шли в своей истории. «Закон жизни отсталых государств или народов среди опередивших: нужда реформ назревает раньше, чем народ созревает до реформы. Необходимость ускоренного движения вдогонку ведет к перениманию чужого наскоро».[5] Примером такого «перенимания чужого наскоро» Ключевский считал преобразования Петра I и Александра II. Результаты этого ускоренного перенимания выразились в неразвитости, косности, чрезмерной бюрократизации российского государства, в фактическом отсутствии защиты гражданина через правовые механизмы, в беззаконии и произволе власть имущих, в неспособности правящего класса не только решать возникающие проблемы общественного развития, но даже и составит о них более-менее верное представление.

Очевидно, что и Соловьев и Ключевский, далекие от марксизма и даже поверхностно не знакомые с его социальной теорией, констатируют тот факт, что в конце XIX века различные страны и регионы мира развиваются неравномерно, и различия между ними не сводятся только к срокам и темпам развития, но и распространяются и на его формы, и на его характер. Неравномерность всемирно-исторического развития служила исходной предпосылкой для формирования представлений об «отсталости» России и о необходимости «догонять» передовые страны. Освоение достижений этих передовых стран, осмысление их опыта может происходить по-разному, и особенностью России в ее «догоняющем» развитии было то, что именно власть взяла на себя обязанность по мере возможного преодолеть отставание. Это привело к тому, что в России некоторые элементы экономического прогресса, некоторые стороны социально-политического строя были навязаны правящим классом, тогда как в Европе эти заимствуемые элементы вызревали постепенно в самом гражданском обществе. Элементы свободного рынка или, например, судебная система, основанная на равенстве сторон и на состязательности процесса, были в Европе органическим порождением всего процесса общественного развития, тогда как в России эти же самые элементы чисто внешним образом соседствовали с элементами феодализма и архаики. В то же время власть, выступая в глазах общественного мнения инициатором реформ, в необходимости которых мало кто сомневался, получала возможность на какое-то время укрепить свое господствующее положение. Однако в конечном счете эта «миссионерская» роль правящего класса только способствовала обострению революционных настроений в обществе. Дело в том, что стремление власти догнать передовые страны было не отражением интересов общества, а желанием одерживать победы в геополитическом соперничестве. Поэтому инициируемые властью преобразования осуществлялись в обратной последовательности: не потребности гражданского общества диктовали власти порядок преобразований, а наоборот, инициатива власти диктовала гражданскому обществу, в каком направлении оно должно меняться и какие его потребности являются приемлемыми. Понятно, что при любых реформах положение власти должно было оставаться незыблемым, и любые преобразования не должны ставить под сомнение существующий строй. Такого рода «догоняющая» модернизация не только требовала колоссальных ресурсов и затрат, но еще и порождала новые, не имевшие ранее места социальные противоречия. Фактически гражданское общество лишалось свободы выбора, так как власть присваивала себе право решать, что для общества хорошо, а что плохо.

Этими особенностями «догоняющей» модернизации был обусловлен тот факт, что в России капитализм сразу же начинается с крупной промышленности, тогда как в Европе эта крупная промышленность была итогом длительного развития. В России крупная промышленность образовалась в результате «революции сверху», как следствие реформистских инициатив правящего класса. Такое «искусственное» образование крупного промышленного капитала привело, с одной стороны, к тому, что класс предпринимателей надолго лишился полити-

[5] *Ключевский В. О.* Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 318.

ческой и социальной самостоятельности, а с другой – к разрыву между промышленной и аграрной сферами. Если в Европе такие элементы нового экономического строя, как свободный рынок труда, пролетариат, мелкая промышленность, мелкая торговля, формировались на основе определенных процессов в аграрной сфере (включая и социальное расслоение, влекущее за собой появление беднейших сельских слоев на рынке труда, а более богатых – в сфере мелкой промышленности и торговли), то в России деревня оставалась отсталой и долгое время сохраняла свою архаичную социальную структуру. Эта особенность развития капитализма в России была отмечена и Марксом: «Возникновение сети железных дорог в ведущих странах капитализма поощряло и даже вынуждало государства, в которых капитализм захватывал только незначительный верхний слой общества, к внезапному созданию и расширению их капиталистической надстройки в размерах, совершенно не пропорциональных остову общественного здания, где великое дело производства продолжало осуществляться в унаследованных исстари формах. Не подлежит поэтому ни малейшему сомнению, что в этих государствах создание железных дорог ускорило социальное и политическое размежевание, подобно тому как в более передовых странах оно ускорило последнюю стадию развития, а следовательно, окончательное преобразование капиталистического производства».[6] Таким образом, развитие капитализма в России, создание крупной промышленности и возникновение сети железных дорог вело к социальному расслоению и к обострению противоречий, и вопрос заключался в том, как долго «остов общественного здания» будет в состоянии выдерживать «капиталистическую надстройку».

Ключевым противоречием общественного развития России XIX века, с точки зрения «классического» марксизма, является противоречие аграрной цивилизации, противоречие между крестьянством и землевладельцами, то есть, иными словами, вопрос о земле. Оценка этого противоречия, его роли в грядущей истории России и послужила причиной раскола между Плехановым и Лениным. Для Плеханова борьба крестьян за землю не может быть ключевым содержанием революционной борьбы пролетариата. В соответствии с логикой европейской истории антифеодальная революция совершается не пролетариатом, а буржуазией, и именно такая революция объективно необходима для России. Рабочие могут в ней участвовать, могут даже играть в ней весомую роль, но обязательно в союзе с другими классами, также заинтересованными в антифеодальных преобразованиях. Социалистическая революция, когда рабочий класс освобождает себя, освобождая при этом все общество, – это завершающий этап освободительной борьбы, до которого истории России еще далеко. Поэтому позицию Ленина Плеханов воспринимал как следствие теоретической путаницы, незнания азов марксисткой теории, как «бред сумасшедшего», стоящий в одном ряду с русской классикой на «психиатрическую» тему – «Палатой № 6» Чехова и «Записками титулярного советника А. И. Поприщина» Гоголя.[7]

Напомним, что позиция Ленина строилась на противопоставлении двух путей буржуазного аграрного развития – «прусского» и «американского». Первый путь связывался с преобразованиями, проводимыми «сверху», то есть, без учета интересов масс, тогда как второй имел революционно-демократический характер и мог привести к превращению русского крестьянина в цивилизованного фермера. Причем, если Плеханов и его единомышленники, ссылаясь на классические постулаты марксисткой теории, говорили о необходимости экономической эволюции, постепенных и «естественных» преобразований, то для Ленина тот очевидный факт, что Россия уже движется по «прусскому» пути, а возможность «американского» пути маловероятна, служил основанием для того, что он исключал возможность эволюционных пре-

[6] Маркс К. – Даниельсону. 10 апреля 1879 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 291.

[7] Своему комментарию к «Апрельским тезисам» Плеханов дал подчеркнуто вызывающее название: «О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен».

образований и настаивал на неизбежности революции. Вопрос для Ленина заключался лишь в том, какой характер примет эта неизбежная революция – будет ли она «городской», основанной на широком демократическом союзе политических сил, выражающих заинтересованность в буржуазно-демократическом развитии России, или же она охватит революционной стихией самые широкие массы, и в таком случае крестьянство неизбежно станет, по крайней мере в количественном отношении, наиболее весомой политической силой, с которой так или иначе будут вынуждены считаться все. Первая революция 1905–1907 годов начиналась как классическая с точки зрения марксистской теории «городская революция». Политические уступки власти частично погасили ее волну, а крестьянские волнения пришлись на 1906–1907 годы, то есть на тот период, когда город включился в инициированные властью демократические процессы, участвовал в выборах в Государственную Думу. Что касается второй и третьей революций, то они проходили уже в таких условиях, когда вовлечение в революционные события самых широких масс было неизбежным. Поэтому, очевидно, неизбежной была и последовавшая за политическим переворотом под знаменем социализма гражданская война. Вынужденной мерой в условиях тотальной разрухи была политика «военного коммунизма», и Ленин, кажется, вполне отдавал себе отчет, что эта временная мера будет восприниматься многими, в том числе и потенциальными союзниками, как генеральная линия новой власти, и, следовательно, социальные противоречия неизбежно будут обостряться.

Парадоксальность данного момента нашей истории заключалась, помимо прочего, и в том, что лидер революционной партии, яростно полемизировавший с Плехановым, лидером реформизма, после окончания гражданской войны сам вступает на путь социального реформирования и политики эволюционного построения социалистических отношений в России. Модель социалистического реформизма теперь оказывается созвучной тем представлениям о постепенности и «естественности» русского социализма, которых ранее придерживались Плеханов и его единомышленники. Единственное различие между Плехановым и Лениным заключалось в предвидении той оригинальной ситуации, которая сложилась в России после Гражданской войны: власть находилась в руках пролетарской партии, но задачи, которые ей требовалось решать, имели буржуазно-демократический характер. Можно с уверенностью утверждать, что Плеханов и его единомышленники возможность возникновения такой ситуации не предвидели. Насколько ее предвидел Ленин, можно только догадываться, но по крайне мере можно допустить, что эту возможность он не исключал. Более того, история показала, что подобная ситуация может повторяться, так как в Китае времен Дэн Сяопина коммунистическая партия также решала задачи буржуазно-демократического характера. Кроме того, скепсис сторонников Плеханова в отношении социалистического реформизма большевиков можно расценить как исторически оправданный, так как «новая экономическая политика» очень скоро после смерти Ленина была свернута, а форсированная индустриализация и коллективизация закономерно обернулись невиданным усилением карательных функций государства, оправдываемым обострением классовой борьбы, бюрократизацией всей общественной жизни, то есть возвращением к пониманию социалистических преобразований как «революции сверху».

В этой перспективе вопрос о том, был ли кратковременный период «новой экономической политики» следствием верности Ленина принципам классического марксизма или же ему предшествовал мировоззренческий переворот, является второстепенным. Правящая партия оказалась не готова к решению задач, которые перед ней ставила история, и преждевременная смерть Ленина не может служить оправданием. Несколько отклоняясь в сторону, можно, хотя бы на уровне предположений, указать на некоторые причины этой неготовности. Властители умов XIX века, в той или иной форме принимавшие идею революции, настаивая на исключительности исторической судьбы России и на неприемлемости для нее западного пути развития, не переставали доказывать ограниченность и даже лживость европейских политических свобод. В результате идея демократии оказалась прочно увязанной в общественном сознании либо

с чуждыми идеалами Европы, либо с опасной и разрушительной стихией охлократических тенденций, с криминальной безответственностью низов. Во всяком случае после революции в правящем классе возможность демократического развития страны, то есть такого развития, при котором учитывались бы прежде всего нужды и чаяния широких масс, вообще не обсуждалась. Правящая партия не ставила под сомнение свое право решать, что будет для народа благом, а от чего его следует оградить. Поэтому правящая партия руководствовалась в своей деятельности совершенно искаженным образом народных масс, приписывая им абстрактные социальные добродетели (коллективизм, революционность, трудолюбие, героизм и т. д.) и игнорируя реальные характеристики. Очевидно, что этот искаженный образ строился без учета того факта, что в России большинство населения составляло крестьянство, которое к тому же было прочно связано с архаическими социальными структурами и с патриархальной культурой. И хотя правящий класс рекрутировался из социальных низов, особенно после 30-х годов, его революционность удивительно легко утрачивала характер «революционности снизу» и становилась «революционностью сверху».

Представления о преждевременности революции закономерно порождали убеждение в непригодности тех политических форм, которые возникали в ходе революционных событий. Главной такой формой, по меньшей мере на уровне деклараций новой власти, объявлялись советы, которым отводилась роль политического института, способного в перспективе осуществить освобождение пролетариата. Более того, именно этот институт, в более отдаленной перспективе должен привести к постепенному уничтожению всякой государственности, и поэтому именно советы являются высшей формой политической организации, закономерно возникающей на определенной ступени общественного развития. В своем актуальном состоянии, будучи элементом политической системы послереволюционной России (СССР), советы рассматриваются как наиболее подходящая форма для диктатуры пролетариата и как форма демократии, более высокая, нежели все предшествующие буржуазно-демократические формы. Не оспаривая теоретически эти положения, следует все же заметить, что данные свойства института советов действительны лишь в том случае, если эта форма возникает там, где общественное развитие достигло определенного уровня демократии, и, наоборот, этот институт будет лишен смысла там, где этот уровень еще не достигнут. На практике форма советов, теоретически объявляемая самой «совершенной» формой демократии в рамках опыта строительства социализма в России, объявлялась пригодной для любых народов и обществ, находившихся на самых разных ступенях общественного развития. Одна и та же форма советов оказывается в равной мере пригодной и для развитых европейских народов России, и для народов Средней Азии, находящихся на стадии феодализма, и для горцев Северного Кавказа или монголов и тувинцев, сохранявших первобытно-патриархальный уклад своей жизни. Иными словами, если и допустить, что для пролетариата России советы являются наиболее подходящей формой осуществления собственной диктатуры, то утверждение, что эта же форма советов может быть оптимальной формой демократии для крестьянства Средней Азии или для скотоводов Забайкалья, не выдерживает никакой критики. Однако на практике именно форма советов объявляется универсальной государственной формой, приспособленной для решения любых задач и противоречий общественного развития. В теории различные народы на собственном опыте должны убедиться в относительном несовершенстве форм буржуазной демократии, чтобы устранить это несовершенство, используя форму советов. Но едва ли они будут способны на это, если их собственный исторический опыт не знает буржуазных форм демократии и не может, следовательно, знать, насколько они совершенны или несовершенны. И если непригодность формы советов для развития отсталых народов России была очевидна, то уместно напомнить, что и пролетариат крупных промышленных городов, если сравнивать его с пролетариатом Европы, также был в начале XX века неразвит и несамостоятелен.

Единомышленники Плеханова, критиковавшие советский строй революционной России,[8] не без оснований полагали, что практическое внедрение советов как универсальной, пригодной для всех и всегда формы демократии, вступает в противоречие с важнейшим принципом марксисткой теории – принципом самоопределения наций. «Развивающийся капитализм знает две исторические тенденции в национальном вопросе. Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д. Обе тенденции суть мировой закон капитализма. Первая преобладает в начале его развития, вторая характеризует зрелый и идущий к своему превращению в социалистическое общество капитализм. С обеими тенденциями считается национальная программа марксистов, отстаивая, во-первых, равноправие наций и языков, недопустимость каких бы то ни было привилегий в этом отношении (а также право наций на самоопределение…), а во-вторых, принцип интернационализма».[9] Но это право лишено смысла, если оно понимается только формально, так как смысл права на самоопределение заключается в праве выбирать собственный путь развития и выбирать те политические формы, которые будут наиболее подходящими тому этапу развития, на котором данный народ находится. Возможно, многие большевики были искренне убеждены, что они ни в коей мере не ущемляют права народов России на самоопределение, так как они предлагают этим народам самую лучшую политическую форму, к которой те все равно рано или поздно ценой собственных ошибок придут самостоятельно. Представление же о политической форме, которая сама по себе может служить средством решения любых экономических, политических, социальных проблем, не может не быть мистификацией. Поэтому и лозунг «вся власть Советам» воспринимался социал-демократией весьма настороженно, так как даже теоретически было трудно найти оптимальное сочетание советской формы с основами демократического строя, с традиционными ценностями демократии и социализма.

Таким образом в утверждении формы советов социал-демократы видели очередное подтверждение разрыва между практикой и теорией в деятельности большевиков. В теории советы должны были представлять собой политическую форму, выражающую диктатуру пролетариата и формирующуюся по мере того, как в результате обострения классовой борьбы пролетариат преодолевает высшие буржуазные формы демократии. На практике советы оказываются универсальной политической формой, пригодной для разрешения любых противоречий и на любом уровне развития. Этот разрыв между теорией и практикой не мог не проявить себя, когда на повестке дня встал вопрос о последовательном политическом воплощении формы советов.

К идее советов марксистская социальная теория шла постепенно. В основе этой идеи лежал вывод, что эпоха революций, совершаемых небольшими группами революционеров в форме заговора, осталась навсегда в прошлом. На смену этой форме революций приходит другая, предполагающая длительную подготовку восстания и неизбежное привлечение к революционным действиям широких масс. Таким образом, на смену революциям заговорщиков закономерно приходит «революция масс». Лозунг «вся власть Советам» выражает стремление обеспечить активное и сознательное участие масс в революционных событиях. Реализация этого лозунга предполагает, что при управлении производством и при решении самых разных социальных проблем различие между управляющими и управляемыми должно быть уничтожено. Форма советов представляется более высокой политической формой, чем буржуазный

[8] См. например: *Мартов Ю*. Идеология советизма. Мистика советской системы // Мартов Ю. О. Мировой большевизм. Берлин, 1923. Цит. по: left.ru/2012/1/martov212.phtml

[9] *Ленин В. И*. Критические заметки по национальному вопросу // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 124.

парламентаризм, потому что парламентский механизм, предполагающий политическое сотрудничество партий, выражающих интересы враждебных друг другу классов, будет неизбежно ограничивать самодеятельность масс и их прямое участие в управлении. «Рабочие, завоевав политическую власть, разобьют старый бюрократический аппарат, сломают его до основания, не оставят от него камня на камне, заменят его новым, состоящим из тех же рабочих и служащих, против превращения которых в бюрократов будут приняты *тотчас* меры, подробно разобранные Марксом и Энгельсом: 1) не только выборность, но и сменяемость в любое время; 2) плата не выше платы рабочего;

3) переход немедленный к тому, чтобы *все* исполняли функцию контроля и надзора, чтобы *все* на время становились «бюрократами», и чтобы поэтому никто не мог стать бюрократом».[10] Советы – это форма прямой демократии, исключающая традиционное для буржуазной государственности разделение исполнительной и законодательной власти. При советской форме отпадает необходимость в институтах привилегированного меньшинства (чиновников, военачальников и т. д.), так как их функции сможет выполнять само большинство.

И именно поэтому советы в конечном счете приведут к исчезновению государства. Этапы, или различные стороны этого пути предполагают замену профессиональной полиции народной милицией; выборность чиновников любого уровня, а самое главное – их сменяемость в любое время через процедуру отзыва; рабочий контроль за процессом производства и распределения;

народный суд, предполагающий не только форму суда присяжных, но и упразднение защитников и обвинителей и решение вопроса о виновности с привлечением самой широкой аудитории; упразднение воинской обязанности и создание добровольческой армии.

Нельзя утверждать, что получившие полноту власти большевики сразу же отказались от воплощения всех этих идей в области государственного строительства. Народная милиция была создана, но очень скоро возникло убеждение, что ее деятельность без участия профессиональных полицейских, хотя бы на правах буржуазных специалистов и под контролем комиссаров, будет совершенно неэффективной. К выборности чиновников так и не удалось подойти, не говоря уже о разработке механизмов сменяемости. Рабочий контроль был учрежден и просуществовал довольно долго (до 1934 года), но над рабочим контролем был установлен партийный контроль, более эффективный (в виде избираемой съездом Центральной Контрольной Комиссии). Что касается народного суда, то уже во втором Декрете о суде восстанавливались функции защитников и обвинителей и восстанавливался только что упраздненный институт предварительного следствия. Последующее государственное строительство большевиков показывает явную тенденцию к усилению государственного централизма, к построению разветвленной бюрократической иерархии. Обнаруживается и еще одна характерная тенденция – выборные органы власти постепенно, шаг за шагом, освобождаются от любого контроля избирателей, а исполнительные органы в то же самое время точно так же постепенно освобождаются от контроля выборных органов. Синхронность этих процессов, казалось бы, свидетельствует об отсутствии бонапартистских планов властной верхушки, стремящейся сконцентрировать всю власть в своих руках, но в то же время эта же синхронность говорит о неуправляемости процессов бюрократизации, стихийно овладевших политикой государственного строительства.

Парадокс ситуации заключался в том, что идеология правящего класса не отказалась от идеи отмирания государства как от цели революционных преобразований в области государственного строительства. Но теперь выдвигается тезис, что для того, чтобы государство постепенно отмирало, необходимо не постепенное исчезновение государственных учреждений и свойственных им функций, а наоборот, рост числа этих функций и усиление институтов власти. Буржуазный парламентаризм отвергается вследствие неполноты демократии, которую он

[10] *Ленин В. И.* Государство и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 103.

может предоставить. Но в то же самое время советы оказываются под безраздельным контролем одной-единственной партии и превращаются в простую декорацию, так как не принимают никакого участия в процессе принятия политических решений. Сама партия также превращается в государственное учреждение, наделенное правом всегда перекладывать ответственность за принимаемые решения на иные институты.

Оценка этих процессов в среде российской социал-демократии и меньшевизма не была однозначной. Постепенно складывалось убеждение, что процессы бюрократической централизации явно свидетельствуют о несоответствии большевизма требованиям революционной современности, о тенденции его превращения из политического течения в узкую группу заговорщиков. Учитывая вначале, что современная революция может быть только революцией масс, позже, уже захватив власть, большевики испугались революционной стихии и постепенно стали возвращаться к идее диктатуры меньшинства, переходить от идеи диктатуры пролетариата к диктатуре над пролетариатом. В то же время речь не идет только об узурпации власти, необходимо говорить и о том, что пролетариат России сам оказался не готов вести за собой народные массы к социализму. В таких условиях решающую роль стала играть готовность меньшинства играть роль передового революционного отряда, его способность осуществлять диктатуру над пролетариатом в интересах самого пролетариата. Но унаследованный страх перед демократией повел революционный авангард не в сторону организации самодеятельности масс, а в сторону бюрократизма и полицейского терроризма.

Следует отдать должное: такой ход событий предвидели некоторые из единомышленников Плеханова, считавшие, что большевизм был вынужден обратиться к якобинским способам решения проблем, вставших перед Россией в ходе революции. П. Аксельрод, один из членов плехановской группы «Освобождение труда», писал еще в 1903 году: «Если, как говорит Маркс по поводу Великой Французской революции, „в классически строгих преданиях римской республики борцы за буржуазное общество нашли идеалы и искусственные формы иллюзий, необходимые для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно ограниченное содержание своей борьбы“, то отчего бы истории не сыграть с нами злую шутку, облачив нас в идейный костюм классически-революционной социал-демократии, чтобы скрыть от нас буржуазно-ограниченное содержание нашего движения».[11] Синонимом движения большевизма в сторону диктатуры меньшинства для социал-демократов России становится якобинство, которое единодушно рассматривается в качестве образца мелкобуржуазной теории и практики. «Термин „якобинец“ в конце концов получил два значения: первое – собственное, исторически точное значение, как название определенной партии Французской революции, которая, обладая определенной программой, ставила своей целью осуществить (определенным способом) переворот во всей жизни страны на базе определенных социальных сил и чей метод партийной и правительственной деятельности отличался исключительной энергией, решительностью и смелостью, порожденными фанатической верой в благотворность этой программы и этого метода. В политическом языке эти два аспекта якобинства раскололись, и якобинцем стали называть энергичного, решительного и фанатичного политика, который фанатически убежден в чудодейственной силе своих идей, каковы бы они ни были. В этом определении преобладали скорее разрушительные элементы, проистекавшие из ненависти к противникам и врагам, чем элементы созидания, которые проистекают из поддержки требований народных масс; скорее преобладал элемент сектантства, заговорщической узости, фракционности, необузданного индивидуализма, чем политический национальный элемент».[12] Неслучайно сам А. Грамши использует этот термин и применительно к Макиавелли, подчеркивая буржуазный характер

[11] *Аксельрод П.* Искра. 1905, № 55. 15 декабря. Цит. по: *Пантин И. К.* Октябрьский перелом: триумф и поражение Ленина // Альтернативы. 2010. № 2. С. 31–32.

[12] *Грамши А.* Избранные произведения в трех томах. Т. 3. Тюремные тетради. М., 1959. С. 352.

его политической теории и не забывая при этом упомянуть, что она опередила свое время. Поэтому этот термин представляется оптимальным для обозначения той инволюции, которую претерпевает большевизм, возвращаясь от «революции масс» к «революции заговорщиков».

Утверждение, что революция в России была преждевременной, и утверждение, что она, в полном соответствии с тактикой якобинства, опередила свое время, отличаются друг от друга лишь нюансом оценки. В любом случае окончательная оценка будет зависеть от окончательного результата, а для единомышленников Плеханова этот результат становился ясным по мере того, как большевизм сворачивал программу социального реформирования («новую экономическую политику») и возвращался к якобинской диктатуре меньшинства, нацеленной теперь на удержание власти и на борьбу с внутренними и внешними врагами. Адекватная оценка этого накапливающегося опыта была возможна на основе возвращения к классическому, аутентичному марксизму, где сущность революционного якобинства уже была раскрыта.

Так возникает феномен *ортодоксального марксизма*, которому в советском историческом опыте будет суждено сыграть весьма важную роль, и поэтому сам этот феномен заслуживает особого рассмотрения. Речь идет о попытке систематизации или, точнее, создания кодекса марксистского учения, который включал бы в себя набор проверенных на практике и не оспариваемых самими марксистами положений. Может показаться, что такой кодекс легко обнаруживается в знаменитой работе Сталина «О диалектическом и историческом материализме», которая, с несущественными дополнениями и изменениями, воспроизводилась во всех учебниках марксистско-ленинской философии до конца 80-х годов. Но следует отметить, что сама эта работа уже является составной частью идеологической машины, созданной якобинцами-сталинистами для решения своих специфических задач.[13] Работа «О диалектическом и историческом материализме» представляет собой феномен идеологии хотя бы потому, что ни одно из предложений, составляющих ее текст, не проходит процедуру возможной фальсификации (в том смысле, что подразумевается, что они никем и никогда не могут быть оспорены).

Более интересный претендент на роль теоретического кодекса ортодоксального марксизма – это вышедшая в свет в 1921 году книга Н. И. Бухарина «Теория исторического материализма. Популярный учебник по марксисткой социологии».[14] Легко убедиться, что многие ее положения не только вошли в указанное выше сочинение Сталина, но, что гораздо важнее, дают аргументированное обоснование сталинским доводам и раскрывают логику их происхождения. Кроме того, год появления этой книги приходится на период поворота большевизма к «новой экономической политике», поворота к социальному реформизму, а именно это обстоятельство, как выше было показано, и рождает потребность в возвращении к аутентичному марксизму и в оценке текущей ситуации в России.

Бухарин был убежден, что его социология является наиболее ясным и последовательным выражением материалистического понимания истории. Материализм, по его убеждению, заключается именно в том, что явления духовного порядка, идеи сводятся к их основанию в материальном бытии общества. Посредством такого сведения обнаруживается реальная основа различных идейных конструкций, самостоятельность идей разоблачается и мышлении человека получает твердое основание в экономическом базисе общественной жизни. Подобного рода редукционизм надолго становится главным методологическим новшеством ортодоксального марксизма, хотя именно он представляет собой полную противоположность методологии мышления самого Маркса. «Конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро туманных религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни

[13] Рассказывают, что один из слушателей Института Красной Профессуры, позже уехавший из СССР, узнал в работе Сталина точную копию своего конспекта, позабытого когда-то в аудитории.

[14] *Бухарин Н. И.* Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. М., 1921.

вывести соответствующие религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а следовательно, единственно научный метод».[15]

Уподобляя науку об обществе естествознанию, Бухарин полагал, что в той мере, в какой эта наука способна открыть законы общественной жизни, она способна предсказывать и будущее данного общества. «Если мы знаем законы общественного развития, то есть пути, по которым неизбежно идет общество, направление развития, то нам не трудно определить и будущее общества».[16] Как и в механике, в науке об обществе со временем будут возможны абсолютно точные предсказания всех общественных процессов, и если мы не можем делать такие предсказания сейчас, то «это происходит потому, что мы еще не располагаем такими знаниями законов… которые можно было бы выразить в точных числах. Мы не знаем скорости социальных процессов, но мы имеем возможность знать их направление».[17] Такое убеждение также становится одной из главных характеристик ортодоксального марксизма, базировавшегося на декларации о неизбежности коммунизма и о неотвратимости движения к нему всех существующих общественных форм. Не стоит и говорить, что на самом деле такая вера в предсказательные возможности марксистской социальной теории была несовместима с мышлением самого Маркса, поскольку она несовместима с научным мышлением вообще.

Внешне основываясь на предисловии «К критике политической экономии», Бухарин создает схему: производительныесилы – производственныеотношения – политическая и идеологическая надстройка. Напомним, что именно эта схема заложила длительную традицию преподавания марксизма в вузах, она же прочно лежала в основании многих теоретических исследований. Согласно этой схеме надстройка была не более чем отражением базиса, именно такое понимание соотношения базиса и надстройки являлось важнейшей чертой ортодоксального марксизма. Любые иные истолкования были идеологически недопустимыми:

«Теория надстроек действительно находится в центре эзотерического марксизма Бахтина и его школы в 20-е годы, и вплоть до замечательных работ Альтюссера и Мамардашвили 60—70-х годов она оставалась непревзойденной. Вразрез с официальным марксизмом (Плеханов с его „пятичленкой“, к которому присоединились Ленин в „Материализме и эмпириокритицизме“, Богданов и Бухарин с его „Теорией исторического материализма“), не сумевшим вылущить концептуальную суть из смыслообразов „базис“ и „надстройка“ (для выросших на тезисе Хайдеггера „язык есть дом бытия“ должно же быть сколько-нибудь внятно, что „базис“, то есть фундамент, и „надстройка“, то есть все воздвигнутое на этом фундаменте, это не что иное, как элементы философской метафоры „дом общественного бытия“. И ничего более.), вразрез с этим гипостазированием метафоры бахтинский эзотерический марксизм вернулся к Марксову пониманию общественной целостности с характерной для нее нераздельностью/ неслиянностью бытия и сознания».[18] Если «базис», «фундамент» и «надстройка» представляют собой лишь метафоры, передающие идею «дома общественного бытия», то и сама категория общественного бытия связывается Марксом не со способом производства, а общественной жизнью в целом, с обществом как тотальностью. Но в официальном марксизме утвердилось именно отождествление общественного бытия с экономическим базисом, отождествление, вследствие которого все, что относится к надстройке, обретало статус иллюзорности, нереальности, фиктивности.

Опять-таки необходимо подчеркнуть, что подобное понимание базиса как активного начала, а надстройки как пассивного, способного лишь на отражение базиса, едва ли можно найти у самого Маркса. Скорее можно найти опровержение такого понимания: «Согласно мате-

---

[15] *Маркс К.* Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 383.

[16] *Бухарин Н. И.* Теория исторического материализма. С. 47.

[17] Там же. С. 48.

[18] *Земляной* С. Что такое эзотерический марксизм? // Независимая газета. Приложение Книжное обозрение «Ex libris НГ» 1999. 28 янв. (N 3). С. 3.

риалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто единственно определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение – это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки».[19]

Глубокую оценку книге Бухарина дал Г. Лукач: «Теория Бухарина, очень сильно сближающаяся с буржуазным – естественнонаучным – материализмом, в силу этого …при своем применении к обществу и истории… зачастую смазывает решающее требование марксистского метода: сводить все феномены политэкономии и „социологии“ к общественным отношениям людей между собой. Теория приобретает привкус ложной „объективности“: она становится фетишистской».[20] Эту оценку вполне возможно распространить и на весь ортодоксальный марксизм в целом. Не умея «развеществлять» феномены общественной жизни, не умея увидеть за ними общественные отношения людей между собой, он неизбежно эти феномены овеществляет, опредмечивает. Картина общественной жизни, создаваемая посредством процедур опредемечивания, неизбежно превращается в идеологию, то есть в ложное сознание.

[19] Энгельс Ф. – Йозефу Блоху. В Кенигсберг. 21–22 сентября 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 395.

[20] *Лукач Г.* Николай Бухарин. Теория исторического материализма (рецензия) // Лукач Г. Ленин и классовая борьба. М., 2008. С. 436.

1.2. Критика слева: отложенная мировая революция и бюрократическое перерождение советского государства

Первая критическая реакция в среде марксистов Европы на теории несвоевременности русской революции связана с именем Розы Люксембург. Примечательно, что до революции 1917 года ее позиция в этом вопросе в общих чертах совпадала с позицией социал-демократии. Эта позиция сводилась к следующему: социально-экономические предпосылки для построения социализма в России выражены слабее, чем в странах Запада, но поскольку внутренние противоречия русской истории выдвигают пролетариат в авангард революционного движения, то перед ним открывается возможность борьбы за социализм. Но после событий 1917 года Р. Люксембург выступает решительно против «доктринерской теории… согласно которой Россия, как страна экономически отсталая, преимущественно аграрная, будто бы еще не созрела для социальной революции и для диктатуры пролетариата. Это теория, которая считает допустимой в России только буржуазную революцию – а из этого мнения вытекает также и тактика коалиции социалистов в России с буржуазными либералами, – это одновременно теория оппортунистического крыла в российском рабочем движении, так называемых меньшевиков под испытанным руководством Аксельрода и Дана».[21]

В то же время к тем предпосылкам, которые подталкивали меньшевиков России к выводу о несвоевременности революции, Р. Люксембург добавляет еще ряд внешних условий, в которых диктатура пролетариата делала первые шаги: мировая война, тот факт, что Россия была самой реакционной в политическом отношении державой, а также бездействие международного пролетариата. Эти крайне неблагоприятные факторы и привели к тому, что в тактических вопросах большевики России были вынуждены далеко отойти от классических представлений о «нормальной» социалистической революции. И самое главное – если согласно классическим марксистским представлениям диктатура пролетариата является более высокой формой демократии, то именно от элементов демократии, в условиях, когда сам пролетариат составляет меньшинство населения России, необходимо, по крайней мере на время, отказаться. С этой точки зрения роспуск большевиками институтов буржуазного парламентаризма, ограничение некоторых прав и свобод является, по убеждению Р. Люксембург, необходимым. В то же время такое отступление на практике не означает, что от демократии необходимо отказаться и в теории. «Разумеется, каждое демократическое учреждение имеет свои рамки и недостатки, как, впрочем, и все другие человеческие институты. Но только найденное Троцким и Лениным целебное средство – устранения демократии вообще – еще хуже, чем тот недуг, который оно призвано излечить: оно ведь засыпает тот живой источник, черпая из которого только и можно исправить все врожденные пороки общественных учреждений, – активную, беспрепятственную, энергичную политическую жизнь широчайших народных масс».[22] Без демократических учреждений, без предоставления широким массам прав и свобод диктатура пролетариата развиваться не может. Временные ограничения возможны и необходимы, но именно как временные ограничения, вызванные гражданской войной, разрухой и иными крайне неблагоприятными условиями. Но сами эти ограничения нельзя выдавать за абсолютную истину, обязательную для всех остальных.

Главное условие, снимающее все эти ограничения, – пролетарские революции в других странах, в случае победы ведущие к поддержке России в борьбе с внешними врагами. Р. Люксембург, как, между прочим, и многие марксисты того времени, была уверена в неизбежности

---

[21] *Роза Люксембург*. Рукопись о русской революции // Роза Люксембург. О социализме и русской революции. М., 1991. С. 311.

[22] Там же.

такого хода развития событий. Поэтому у нее так и не возник вопрос: возможна ли пролетарская революция, которая по той или иной причине отбросит принципы демократии? Но ответ на этот так и не поставленный вопрос у нее имелся: «Без всеобщих выборов, неограниченной свободы печати и собраний, свободной борьбы мнений замирает жизнь в любом общественном учреждении, она превращается в видимость жизни, деятельным элементом которой остается одна только бюрократия. Общественная жизнь постепенно угасает, дирижируют и правят с неуемной энергией и безграничным идеализмом несколько дюжин партийных вождей, среди них реально руководит дюжина выдающихся умов, а элита рабочего класса время от времени созывается на собрания, чтобы рукоплескать речам вождей, единогласно одобрять предложенные резолюции. Итак, по сути – это хозяйничанье клики; правда, это диктатура, но не диктатура пролетариата, а диктатура горстки политиков, т. е. диктатура в чисто буржуазном смысле, в смысле господства якобинцев (перенос сроков созыва съездов Советов: с раз в три месяца до раз в шесть месяцев). Более того: такие условия должны привести к одичанию общественной жизни – покушениям, расстрелам заложников и т. д. Это могущественный объективный закон, действия которого не может избежать никакая партия».[23]

Антиякобинское противоядие у Р. Люксембург было, по сути дела, тем же, что и у критикуемых ею меньшевиков и социал-демократов. Пролетариат, придя к власти, не упраздняет демократию как таковую, а создает вместо буржуазной демократии социалистическую демократию. И создание социалистической демократии – это не единовременный акт, выраженный в декрете, а длительный процесс, требующий кропотливой и тяжелой работы. Эта работа направлена на пробуждение политической энергии масс, на развитие навыков самоорганизации, на вовлечение все большего и большего числа людей в различные формы политической деятельности. Диктатура пролетариата должна быть делом не одной лишь партии, и даже не одного лишь передового отряда пролетариата, но делом всего класса. Поэтому обязательным признаком диктатуры пролетариата является общественный контроль за политическими институтами.

Проблема заключалась не только в том, чтобы указать общее направление развития социалистической демократии, но и в том, чтобы найти конкретные формы общественного контроля, а также в случае сопротивления бюрократии этому контролю найти способы преодолеть такое сопротивление. Все эти вопросы, а также их практическая реализация в ходе русской революции, остались вне поля зрения Р. Люксембург, убитой в январе 1919 года и поэтому имевшей возможность наблюдать лишь за самым началом революционных преобразований в России. Л. Д. Троцкий, поначалу отвергавший критические доводы Р. Люксембург и даже являвшийся в ее глазах ответственным за явные деформации социалистической демократии, несколько позже присоединяется к критике диктатуры пролетариата с позиций автора «Рукописи о русской революции». Лейтмотив всех его критических выпадов против сталинизма – превращение диктатуры пролетариата в диктатуру узкого слоя партийной бюрократии. Но вопросы, оставшиеся без ответа у самой Р. Люксембург, теперь встают и перед ним – каковы должны быть формы общественно контроля за политическими институтами, которыми грозит опасность бюрократизации, и какими должны быть механизмы преодоления ее сопротивления попыткам такой контроль установить? К идеям самого Троцкого мы вернемся несколько позже, что же касается самой истории, то она, как известно, оставила эти вопросы без ответа.

Сама Р. Люксембург понимала, что развитие социалистической демократии в условиях России начала XX века – задача неимоверно сложная, и у нее не было полной уверенности, была ли вообще в распоряжении Ленина и Троцкого возможность эту задачу решить. «Дело заключается в том, что надо отличать в политике большевиков существенное от несущественного, коренное от случайного. В этот последний период, когда мы находимся накануне реша-

[23] Там же.

ющих последних боев во всем мире, важнейшая проблема социализма, самый жгучий вопрос времени – не та или иная деталь тактики, а способность пролетариата к действию, революционная активность масс, вообще воля к установлению власти социализма. В этом отношении Ленин и Троцкий со своими друзьями были первыми, кто пошел впереди мирового пролетариата, показав ему пример;

они до сих пор все еще *единственные*, кто мог бы воскликнуть вместе с Гуттеном: „Я отважился!“ Вот что самое существенное и *непреходящее* в политике большевиков. В этом смысле им принадлежит бессмертная историческая заслуга: завоеванием политической власти и практической постановкой проблемы осуществления социализма они пошли впереди международного пролетариата и мощно продвинули вперед борьбу между капиталом и трудом во всем мире. В России проблема могла быть только поставлена. Она не могла быть решена в России, она может быть решена только интернационально. И в этом смысле будущее повсюду принадлежит „большевизму“».[24] Иными словами, даже если опыт строительства социализма в России будет неудачным, его безусловно положительное значение будет заключаться в том, что это *первый* опыт. Тот факт, что успешное решение вставших перед русской революцией задач Р. Люксембург связывала с кардинальным изменением международной ситуации и с победой социалистической революции в развитых странах Европы, говорит о том, что она испытывала в отношении перспектив революции в России немалый пессимизм.

С возражениями против критики Р. Люксембург выступил Г. Лукач, обвинивший ее в ложной оценке характера пролетарской революции в России. Точнее говоря, эта оценка, согласно Лукачу, является искаженной, поскольку Р. Люксембург преувеличивает силу и сознательность русского пролетариата и в то же время недооценивает силу непролетарских элементов и их негативное влияние на формирование пролетарского сознания. «И это ложное суждение относительно подлинных движущих сил революции подводит к решающему пункту ее ложной установки: к недооценке роли партии в революции, к недооценке значения сознательной политической деятельности в сравнении с элементарным движением, следующим необходимости экономического развития».[25] Следует заметить, что в критической позиции Лукача имеется явное противоречие: аргументы теоретического характера он опровергает ссылками на особенности текущего момента, в который в силу обстоятельств, необходимо сделать временное тактическое отступления от принципов, а затем саму необходимость такого тактического отступления он преподносит как теоретический принцип, который, по его мнению, остается непонятым у Р. Люксембург. Таким образом, у Лукача получается, что критика русской революции у Р. Люксембург является в принципе верной, но следовать ее критическим доводам пока не стоит, лучше отложить социалистическую демократию в России до лучших времен. «В тот момент нечего было и думать о постепенном „переводе“ этого движения „в русло социализма“. Это можно и нужно было попытаться сделать позже. Здесь неуместно обсуждать, в какой мере эти попытки действительно потерпели неудачу (на мой взгляд, дело еще далеко нельзя считать разрешенным;

бывают „неудавшиеся“ попытки, которые тем не менее впоследствии оказываются плодотворными) и каковы были причины их неудач. Ибо здесь рассматривается решение большевиков, принятое в момент завоевания власти».[26] Необходимо завоевать власть, затем в стране, где пролетариат составляет меньшинство и испытывает разлагающее влияние непролетарских идеологий, необходимо эту власть удержать. Поэтому пока вопрос о вовлечении все более и более широких пролетарских масс в революционную деятельность может быть отложен до луч-

[24] Там же.

[25] *Лукач Г.* Критические заметки к брошюре Розы Люксембург «Русская революция» // Лукач Г. История и классовое сознание. М., 2003. С. 348–349.

[26] Там же. С. 348.

ших времен, как и вопрос о механизмах контроля над удерживающими власть. Эти вопросы не актуальны, следовательно, актуален вопрос о механизмах удержания и укрепления власти. Кардинальное изменение ситуации Лукач опять-таки видит в мировой пролетарской революции: «В интересах дальнейшего развития революции необходимо *всеми средствами и при всех обстоятельствах удерживать господствующую власть в руках пролетариата* , ясно понимая, что совокупное положение мирового хозяйства рано или поздно должно подтолкнуть пролетариат к революции в мировом масштабе, которая только и сможет действительно осуществить экономические мероприятия в духе социализма».[27]

К этому у Лукача добавляются рассуждения на тему «свобода для пролетариата или пролетариат для свободы», «демократия для пролетариата, или пролетариат для демократии». «Формы и степень „свободы“ зависят в период диктатуры от состояния классовой борьбы, от силы врага, от интенсивности угрозы диктатуре, от требований, завоевываемых на сторону диктатуры, от зрелости союзнических с пролетариатом и находящихся под его влиянием слоев. Свобода столь же мало, как и социализация, может быть самоценной. *Она должна служить господству пролетариата, а не наоборот*».[28] Такого рода доводы заставляют заподозрить их автора в лукавстве. Если под демократией понимать формальные процедуры и механизмы осуществления народовластия, то, разумеется, с целью расширения самой демократии (поскольку социалистическая демократия есть ее высшая форма), необходимо господство пролетариата. В то же время непонятно, в силу чего становится возможной альтернатива «пролетариат для демократии или демократия для пролетариата». К тому же свобода, освобождение всего человечества, а не господство пролетариата является целью и смыслом истории, и если речь опять-таки идет о текущем моменте и о тактическом отступлении от принципов, то формула «свобода для пролетариата» должна по меньшей мере настораживать. Впрочем, и здесь поставленные Р. Люксембург вопросы сохраняют свою силу. Освобождение пролетариата не может оставаться декларацией, и поэтому необходимы механизмы ее обеспечения, а эти механизмы даже в самом удачном случае не могут совпадать с механизмами удержания власти правящей бюрократией. Досадно, что в целом критика Лукача не выходит из русла более поздней оценки Сталина, обвинившей Р. Люксембург в том, что она вместе с Парвусом сочинила «утопическую и полуменьшевистскую схему перманентной революции (уродливое изображение марксовой схемы революции), проникнутую насквозь меньшевистским отрицанием политики союза рабочего класса и крестьянства, и противопоставили ее большевистской схеме революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. В дальнейшем эта полуменьшевистская схема перманентной революции была подхвачена Троцким (отчасти Мартовым) и превращена в орудие борьбы против ленинизма».[29] Эта оценка является совершенно несправедливой и невежественной, так как даже сам Сталин в статье «Октябрьская революция», полемизируя с К. Радеком, утверждал: «Неверно, что теорию перманентной революции… выдвинули в 1905 г. Роза Люксембург и Троцкий. На самом деле теория эта была выдвинута Парвусом и Троцким».[30] Отвечая своему корреспонденту, указавшему на это противоречие, Сталин говорит, что здесь две разных стороны вопроса, и есть принципиальное различие между «сочинили» и «выдвинули», но в чем именно это различие заключается, он не дает себе труда уточнить. Вина же Р. Люксембург в создании теории перманентной революции теперь состоит в том, что «она находилась тогда за кулисами, воздерживалась от активной борьбы с Лениным на этой почве, предпочитая, видимо, не ввязываться пока что в борьбу».[31] Беспомощность отговорок

---

[27] *Лукач Г.* Критические заметки к брошюре Розы Люксембург «Русская революция». С. 363.

[28] Там же.

[29] *Сталин И. В.* О некоторых вопросах истории большевизма. Письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция» // Соч. И. В. Сталина. Т. 13. М., 1946. С. 91.

[30] *Сталин И. В.* Октябрьская революция // Соч. И. В. Сталина. Т. 6. М., 1946. С. 380.

[31] *Сталин И. В.* Ответ Олехновичу и Аристову: По поводу письма в редакцию журнала «Пролетарская Революция». «О

Сталина еще раз свидетельствует, что критические доводы Р. Люксембург в отношении опыта первых лет социалистического строительства вызывали в партийной бюрократии определенную растерянность, что объясняет и попытки Сталина выставить Р. Люксембург соучастницей Л. Троцкого и тем самым опорочить ее критику, и неуклюжую теоретическую помощь Г. Лукача, предвидевшего, что революционный авторитет Р. Люксембург при любом развитии событий будет довольно высоким, а ее критика отклонения большевиков от социалистической демократии будет вызывать у них серьезные затруднения. Такого рода опасения были обоснованы, так как Р. Люксембург была не только политиком, с авторитетом которой нельзя было не считаться, не только основателем и лидером коммунистической партии Германии, но одним из наиболее глубоких марксистских теоретиков. И ее заслуги в развитии марксистской теории были связаны с критикой идеологии немецкой социал-демократии во главе с Э. Бернштейном и К. Каутским, нашедшей свое закономерное отражение в идейных построениях Плеханова и его единомышленников. Объектом критики выступало свойственное этому течению эволюционное понимание истории, и вытекающие из него представления о постепенном перерастании буржуазного общества в социализм и преждевременности революции в России. Сама русская революция есть «пощечина здешней социал-демократии и всему спящему Интернационалу. Каутский, разумеется, не нашел ничего лучшего, чем доказывать статистически, что социальные условия России еще не созрели для диктатуры пролетариата! Достойный «теоретик» Независимой социал-демократической партии! Он позабыл, что «статистически» Франция в 1789 году, а также и в 1793 году была еще менее созревшей для господства буржуазии».[32] Представления о преждевременности русской революции свидетельствуют о «кабинетном» характере подобных теорий, о нежелании признать тот факт, что любое необходимое движение истории совершается через борьбу масс.

Теории преждевременности русской революции основаны на неверном понимании событий всемирной истории начала XX века. «Мировая война поставила общество перед альтернативой: либо дальнейшее существование капитализма, новые войны и скорая гибель в хаосе и анархии, либо ликвидация капиталистической эксплуатации… Из всей кровавой сумятицы и зияющей пропасти нет иного выхода, иного спасения, кроме социализма. Только мировая революция пролетариата может внести порядок в этот хаос, может дать всем работу и хлеб, положить конец нынешнему взаимному истреблению народов, может принести измученному человечеству мир, свободу, подлинную культуру».[33] Таким образом, мировая война в случае сохранения капитализма прямо ведет к уничтожению человечества, и социалистическая революция выступает как единственный путь его спасения. Но эта принципиально новая историческая ситуация делает невозможной прежнюю форму революций, предполагавшую свержение центральной власти и распространение революционных преобразований от центра к периферии, «сверху вниз». Новая революция не может не быть «революцией снизу», что означает не только широкое участие в революционных событиях народных масс, но и неизбежность последовательно демократического характера революционных преобразований.

Поэтому само противопоставление понятий «диктатура» и «демократия», по убеждению Р. Люксембург, является в корне ошибочным. «„Диктатура или демократия“ – такова постановка вопроса как большевиками, так и Каутским. Последний решает для себя, естественно, в пользу демократии, а именно буржуазной демократии, ибо именно ее он противопоставляет как альтернативу социалистическому перевороту. Ленин— Троцкий, напротив, решают в пользу диктатуры в противовес демократии и тем самым диктатуры горстки людей, то есть

некоторых вопросах истории большевизма» // Соч. И. В. Сталина. Т. 13. М., 1946. С. 126–132.

[32] *Роза Люксембург*. Из письма Марте Розенбаум. Бреслау, позднее 12 ноября 1917 г. // Роза Люксембург. Актуальные аспекты политической и научной деятельности. (К 85-летию со дня гибели.) Международная конференция в Москве 12 февраля 2004 г. М., 2004. С. 230.

[33] *Роза Люксембург*. Чего хочет Союз Спартака // Там же. С. 242.

буржуазной диктатуры. Таковы два противоположных полюса, оба равноудаленные от истинной социалистической политики».[34] Все дело в реальном социальном наполнении идеи диктатуры. Если это диктатура большинства над меньшинством, то ее демократический характер может вызывать сомнения только у представителей данного меньшинства. Но если это диктатура узкой группы лиц, какого-либо клана, то она не может быть диктатурой пролетариата. В силу своей природы диктатура пролетариата не может противопоставляться демократии, поскольку такая диктатура должна являться политической формой революционной активности народных масс, формой их участия в управлении государством и обществом. Социалистические преобразования предполагают диктатуру класса, а не какой-либо группы лиц, какой-либо партии. Диктатура пролетариата может осуществляться только «при самой широкой гласности, при самом деятельном беспрепятственном участии народных масс, при неограниченной демократии».[35] Исходя из этих принципов, Р. Люксембург критиковала декрет правительства Ленина и Троцкого о выборах, который лишал различные категории трудового населения России избирательного права. Диктатура пролетариата осуществляет управление обществом не только в интересах трудящихся, но и посредством их активного участия в управлении, что предполагает не только право избирать органы власти, но и право их контролировать. В более отдаленной перспективе управление посредством избираемых и контролируемых органов власти должно перейти к формам общественного самоуправления.

Такое понимание социалистической демократии предполагает и определенное понимание свободы: «Свобода лишь для сторонников правительства, лишь для членов одной партии – сколь бы многочисленными они ни были – это не свобода. Свобода всегда есть свобода для инакомыслящих. Не из-за фанатизма «справедливости», а потому, что от этой сути зависит все оживляющее, исцеляющее и очищающее действие политической свободы; оно прекращается, если «свобода» становится привилегией…».[36] Социализм неразрывно связан с осуществлением свободы слова, свободы политической деятельности, свободы создавать независимые политические организации и т. д. Причем, в отличие от буржуазного общества, где эти свободы либо только декларируются, либо предоставляются узкому кругу лиц, в обществе социализма эти свободы наполняются реальным содержанием. Такое понимание точно соответствует пониманию природы социализма у Маркса как того рубежа, где завершается стихийная предыстория человечества и начинается его подлинная история, предполагающая переход из «царства необходимости» в «царство свободы». Учение об органическом единстве диктатуры пролетариата и демократии, о социализме как строе, при котором человек обретает свою человечность, предопределили то обстоятельство, что в более поздних теориях «социализма с человеческим лицом» ссылки на работы Р. Люксембург становятся обязательными. Например, название известной группы марксистов-либертарианцев «Социализм или варварство» (К. Касториадис, Ги Дебор, К. Лефор, Ж. Женетт и др.) было связано именно с учением Р. Люксембург о том, что в период первой мировой войны человечество оказалось перед дилеммой: «либо гибель в анархии, либо спасение благодаря социализму».[37]

Социалистическая демократия, как ее понимает Р. Люксембург, начинается с производственной демократии, и в этом отношении ее концепция диктатуры пролетариата также противостоит концепциям экономического дирижизма, взятым на вооружение большевиками с первых шагов социалистических преобразований. Этот дирижизм Ленин и его единомышленники

---

[34] *Роза Люксембург*. Наша Программа и политическая ситуация. Доклад на Учредительном съезде Коммунистической партии Германии 31 декабря 1918 г. в Берлине // Там же. С. 277.

[35] *Роза Люксембург*. Рукопись о русской революции. С. 315.

[36] Там же.

[37] *Роза Люксембург*. Наша Программа и политическая ситуация. Доклад на Учредительном съезде Коммунистической партии Германии 31 декабря 1918 г. в Берлине // Роза Люксембург. Актуальные аспекты политической и научной деятельности. С. 263.

оправдывали не только необходимостью централизованного руководства крупной машинной индустрией, но и историческими особенностями России, в частности, слабо развитой мотивацией производительного труда («русский человек – плохой работник»). Признавая временную необходимость централизованного руководства промышленностью в России, Р. Люксембург тем не менее убеждена, что «опасность начинается тогда, когда они нужду выдают за добродетель, хотят теперь по всем пунктам теоретически зафиксировать навязанную им этими фатальными условиями тактику и рекомендовать ее международному [пролетариату] как образец социалистической тактики».[38] Социализм несовместим с диктатурой фабричных надсмотрщиков, с излишне жестокой производственной дисциплиной, с драконовскими наказаниями и террором. Известно, что Ленин был склонен видеть в формах государственного капитализма довоенной Германии немало положительного: «Пока в Германии революция еще медлит „разродиться“, наша задача – учиться государственному капитализму немцев, всеми силами перенимать его, не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание еще больше, чем Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства».[39] Эту склонность Р. Люксембург считает ошибкой, сближающей главу большевиков с германской социал-демократией, полагавшей, что прусский милитаризм установит в случае победы в войне в России порядок, весьма близкий идеалам социализма. Политику «красного террора» она называет «идиотизмом высшей степени».

Попытки установить производственную дисциплину жестокими террористическими методами Р. Люксембург объясняет тем, что лидеры большевиков не понимают природы социалистической демократии. Сам термин «дисциплина» у Ленина приобретает весьма двусмысленное значение. «Одновременно обозначать словом „дисциплина“ два столь противоположных понятия, как отсутствие воли и мысли в тысяченогом и тысячеруком теле, по указке делающем механические движения, и добровольное координирование сознательных политических действий… значит просто злоупотреблять ходячим словечком».[40] Первое значение слова «дисциплина» должно быть полностью искоренено в обществе социализма, дисциплина должна быть свободной самодисциплиной, добровольной самоорганизацией коллективных действий.

Кроме того, у Ленина и Люксембург были совершенно разные представления и о природе стихийности. Если для Ленина стихийность – это начальная стадия сознательности, недоразвитая сознательность, то для Люксембург – это в первую очередь неосознаваемая сила масс, объективно им свойственная. Эта сила имеет два вектора приложения: во-первых, это та механическая покорность, которая как раз и характеризуется «отсутствием воли и мысли в тысяченогом и тысячеруком теле»; во-вторых, это объективно свойственная массам воля к борьбе, стихия, несущая в себе колоссальную революционную энергию. Очевидно, что в работах Ленина, особенно в послереволюционных, речь идет главным образом о стихийности в первом значении. Складывается впечатление, что стихия революционной энергии масс была необходима большевикам только до момента завоевания власти. Когда власть была завоевана, на повестке дня оказалась иная задача – удержать эту стихию в повиновении. Характеризуя эту стихию, Р. Люксембург говорит о свойственном ей «здоровом революционном инстинкте», на который необходимо опираться и после завоевания власти, в самых первых и во всех последующих революционных преобразованиях.

---

[38] *Роза Люксембург*. О социализме и русской революции. М., 1991. С. 332.

[39] *Ленин В. И*. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 301.

[40] *Роза Люксембург*. Организационные вопросы русской социал-демократии // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 6. С. 143.

Управление промышленностью, как его представляла Р. Люксембург, не имеет ничего общего с дирижизмом. Первые требования программы «Союза Спартака» – введение шестичасового рабочего дня и выборы производственных советов, которые должны взять производственный процесс под свой контроль. Р. Люксембург была убеждена, что социализм только тогда будет прочно держаться на своем собственном фундаменте, когда организация производства будет вверена самим рабочим.

Р. Люксембург могла оценивать только самые первые шаги социалистического строительства в СССР. Но очень скоро после ее смерти наследником ее критических оценок становится Л. Д. Троцкий. Дело не только в том, что он так же, как и Р. Люксембург, связывает успешность этого строительства в Советской России с кардинальным изменением международного положения и с мировой пролетарской революцией.

В идейных столкновениях 20-х годов внутри правящей партии он неоднократно подчеркивает, что занимает ту же самую позицию, что и Р. Люксембург. «Я утверждаю, что никогда не расходился с большевизмом больше, чем Роза Люксембург и Карл Либкнехт – в тех вопросах, в которых и они расходились с большевизмом. Пускай кто-нибудь посмеет сказать, что они были меньшевиками».[41]

Следует сказать, что изучение действительной позиции Л. Троцкого по многим вопросам революционной теории марксизма серьезно затруднено своеобразной мифологией «троцкизма», который еще в 20-годы прошлого столетия был создан в качестве идеологического жупела для внутрипартийной борьбы. Созданный тогда образ Троцкого как «демона революции» и сегодня принимается за чистую монету даже многими серьезными исследователями. Троцкий изображается как жестокий диктатор, ответственный за самые кровавые преступления большевизма, а изгнание его из рядов партии связывается, соответственно, с демократизацией и либерализацией государственной и общественной жизни в СССР. Кроме того, Троцкий преподносится как последовательный русофоб, преследовавший и искоренявший все традиционное в культуре и быте русского народа. Чего стоит, например, следующая цитата, имеющая широкое хождение в средствах массовой информации и нередко приводимая даже в работах, претендующих на статус научных исследований: «Мы должны превратить Россию в пустыню, населенную белыми неграми, которым мы дадим такую тиранию, какая не снилась никогда самым страшным деспотам Востока. Разница лишь в том, что тирания эта будет не справа, а слева, не белая, а красная. В буквальном смысле этого слова красная, ибо мы прольем такие потоки крови, перед которыми содрогнутся и побледнеют все человеческие потери капиталистических войн. Крупнейшие банкиры из-за океана будут работать в теснейшем контакте с нами. Если мы выиграем революцию, раздавим Россию, то на погребальных обломках ее укрепим власть сионизма и станем такой силой, перед которой весь мир опустится на колени. Мы покажем, что такое настоящая власть. Путем террора, кровавых бань мы доведем русскую интеллигенцию до полного отупения, до идиотизма, до животного состояния… А пока наши юноши в кожаных куртках – сыновья часовых дел мастеров из Одессы и Орши, Гомеля и Винницы – умеют ненавидеть все русское! С каким наслаждением они физически уничтожают русскую интеллигенцию – офицеров, академиков, писателей…» Разумеется, никто из тех, кто приводит эту цитату, не может указать, из какого произведения или какой речи Троцкого она взята.

Многими до сих пор разделяется и ошибочное представление, что Троцкий, будучи противником сталинского СССР, в предвоенные годы призывал к вооруженной борьбе против Советской России и даже поддерживал контакты с различными фашистскими организациями. Чтобы убедиться, что это по меньшей мере неправда, достаточно ознакомиться со статьей

---

[41] *Троцкий Л. Д.* Две речи на заседании ЦКК // Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 3. М., 1990. С. 120.

Троцкого «СССР в войне»,[42] вывод которой заключается в том, что все левые силы должны на время позабыть о своем отрицательном отношении к тоталитарному режиму Сталина и в неизбежной войне против Германии встать на защиту СССР. Такая позиция не была уступкой политической конъюнктуре, она являлась логически закономерным следствием его учения о социальной природе советского государства как государства в своей основе рабочего, но находящегося в процессе бюрократического перерождения.

О том, что этот процесс перерождения еще не завершился, свидетельствует еще сохраняющаяся общественная собственность на средства производства и плановая система хозяйства. Явными признаками классового перерождения СССР являются широкие репрессии против коммунистической партии, бюрократизация партийного и государственного аппарата, исключающая даже те элементарные демократические завоевания, которые свойственны многим буржуазным государствам, мирный договор с фашистской Германией и многое другое. Но, несмотря на эти искажения, социально-экономические основы социализма, заложенные Октябрьской революцией, еще продолжают сохраняться, и левым силам следует защищать именно эти завоевания, а не сталинскую бюрократию. Решающее значение имеет тот факт, что сама бюрократия, согласно классической марксистской теории, не является самостоятельным классом и выполняет обслуживающие функции для того класса, который занимает господствующее положение. «В бюрократическом перерождении советского государства находят свое выражение не общие законы современного общества от капитализма к социализму, а особое, исключительное и временное преломление этих законов в условиях отсталости революционной страны и капиталистического окружения. Недостаток предметов потребления и всеобщая борьба за обладание ими порождают жандарма, который берет на себя функции распределения. Враждебное давление извне возлагает на жандарма роль защитника страны, придает ему национальный авторитет и позволяет ему грабить страну вдвое. Оба условия могущества бюрократии – отсталость страны и империалистическое окружение – имеют, однако, временный, переходный характер и должны исчезнуть с победой интернациональной революции». [43]

Именно в этом аспекте Троцким и ставится задача защиты СССР. Главная цель – победа мировой пролетарской революции. Но без победы над фашизмом эта цель не может быть достигнута. «Защита СССР совпадает для нас с подготовкой международной революции. Допустимы только те методы, которые не противоречат интересам революции. Защита СССР относится к международной социалистической революции, как тактическая задача – к стратегической».[44] Приоритет международной пролетарской революции настолько велик, что даже свое поражение во внутрипартийной борьбе 20-х годов Троцкий предпочитает расценивать как победу, а удержание Сталиным власти – как его поражение. «Сталин оказался, в историческом смысле, жертвой здравого смысла, то есть его недостаточности, ибо та власть, которою он обладает, служит целям, враждебным большевизму. Наоборот, марксистская доктрина позволила нам своевременно оторваться от термидорианской бюрократии и продолжать служить целям международного социализма».[45] Сохранить власть в СССР Сталин смог только ценой отказа от важнейших принципов марксистского учения, только ценой предательства пролетарской революции. «Освобождение рабочих может быть только делом самих рабочих. Нет поэтому большего преступления, чем обманывать массы, выдавать поражения за победы, друзей за врагов, подкупать вождей, фабриковать легенды, ставить фальшивые судебные процессы, – словом,

[42] *Троцкий Л. Д.* СССР в войне // Антология позднего Троцкого. М., 2007. С. 435–459.

[43] *Троцкий Л. Д.* СССР в войне. С. 441.

[44] *Троцкий Л. Д.* В защиту марксизма. Cambridge (MA, USA), 1995. С. 49.

[45] *Троцкий Л. Д.* Их мораль и наша // Вопросы философии. 1990. № 5. С. 105–126.

делать то, что делают сталинцы. Эти средства могут служить только одной цели: продлить господство клики, уже осужденной историей. Но они не могут служить освобождению масс».[46]

Ключевая ошибка Сталина заключается в непонимании истинной природы пролетарской революции, вследствие чего и возникли абсурдные, не имеющие с точки зрения Троцкого никакого отношения к марксизму теории строительства социализма «в одной стране». Никакая революция «в одной стране» невозможна, так как национальные границы «одной страны» разрушает уже капитализм, и поэтому сам факт перехода власти к пролетарской партии в СССР никак не может означать победу социализма и поражение капитализма. Свое учение о природе пролетарской революции Троцкий называл теорией «перманентной революции». «Перманентная революция в том смысле, какой Маркс дал этому понятию, значит революция, не мирящаяся ни с одной из форм классового господства, не останавливающаяся на демократическом этапе, переходящая к социалистическим мероприятиям и к войне против внешней реакции, революция, каждый последующий этап которой заложен в предыдущем и которая может закончиться лишь с полной ликвидацией классового общества».[47] Таким образом, «перманентная революция» предполагает три взаимосвязанных аспекта: переход от буржуазно-демократической революции к социалистической; революционные преобразования в рамках одной страны, главная цель которых – обеспечить готовность данной страны к международной пролетарской революции; наконец, самый важный аспект – мировая пролетарская революция. В такой перспективе все рассуждения о преждевременности русской революции представляются Троцкому совершенно противоположными истинному положению дел. «Россия так поздно совершила свою буржуазную революцию, что оказалась вынужденной превратить ее в пролетарскую. Иначе сказать: Россия так отстала от других стран, что ей пришлось, по крайней мере в известных областях, обогнать их».[48]

Оценка опыта социалистических преобразований в СССР будет также зависеть от того, насколько успешной окажется международная революция и насколько неудачными будут попытки капитализма упрочить свое положение и завоевать новые плацдармы развития. Если такие попытки будут неудачными, если положение трудящихся масс будет ухудшаться, то мировая пролетарская революция будет закономерным выходом из кризиса, и опыт СССР, в котором еще не успеет произойти окончательное бюрократическое перерождение рабочего государства, окажется весьма важным как с точки зрения его положительных достижений, так и в отношении сталинских извращений, которые мировой пролетариат сможет адекватно оценить и предотвратить. Если же капитализм получит в свое распоряжение еще несколько десятилетий для возможного развития, «тогда жалкой пошлостью будут речи о социализме в нашей отсталой стране; тогда надо будет сказать, что мы ошиблись в оценке всей эпохи, как эпохи капиталистического загнивания; тогда Советская республика оказалась бы вторым, после Коммуны, опытом диктатуры пролетариата, более широким и плодотворным, но только опытом… Имеются ли, однако, какие-либо серьезные основания для такой решительной переоценки всей нашей эпохи и смысла Октябрьской революции, как звена международной? Нет!.. Завершая, в большей или меньшей степени, свой восстановительный период (после войны)… капиталистические страны восстанавливают, притом в несравненно более остром, чем до войны, виде, все свои старые противоречия, внутренние и международные. Это и есть основа пролетарской революции. То, что мы строим социализм, есть факт. Но не меньшим, а бульшим фактом, поскольку целое вообще больше части, является подготовка европейской и мировой революции. Часть может победить только совместно с целым».[49]

---

[46] Там же.

[47] *Троцкий Л. Д.* Перманентная революция. Cambridge (MA, USA), 1997. С. 306.

[48] *Троцкий Л. Д.* История русской революции. В 2-х т. Т. 2. М., 1997. С. 5.

[49] *Троцкий Л. Д.* Преданная революция. М., 1991. С. 246.

Следует подчеркнуть, что Троцкий допускал и такой пессимистический вариант мирового развития, когда капитализм не только получит в свое распоряжение несколько десятилетий для возможного развития и смягчения внутренних противоречий, но и нанесет поражение международному пролетариату, в результате чего СССР как рабочее государство погибнет. «Если бы вопреки всем вероятиям в течение нынешней войны или непосредственно после нее Октябрьская революция не нашла своего продолжения ни в одной из передовых стран; если бы, наоборот, пролетариат оказался бы везде и всюду отброшен назад, – тогда мы несомненно должны были бы поставить вопрос о пересмотре нашей концепции нынешней эпохи и ее движущих сил. Вопрос шел бы при этом не о том, какой школьный ярлычок наклеить на СССР или на сталинскую шайку, а о том, как оценить мировую историческую перспективу ближайших десятилетий, если не столетий: вошли ли мы в эпоху социальной революции и социалистического общества или же в эпоху упадочного общества тоталитарной бюрократии?».[50] В такой ситуации вопрос о социалистической революции будет отодвинут на неопределенное время, так как при господстве тоталитарной бюрократии благоприятные условия для социалистической революции, по крайне мере, такие, как в начале XX века, уже не возникнут. Заметим, что после Второй мировой войны, несмотря на образование социалистического лагеря, пролетарские революции в развитых странах так и не произошли. Капитализм открыл новые возможности своего развития, во-первых, благодаря научно-технической революции, позволившей значительно поднять общий уровень жизни населения, во-вторых, благодаря новой социальной политике, направленной на достижение «классового мира», то есть на смягчение внутренних противоречий капиталистической формации, в-третьих, благодаря внедрению в экономический строй элементов планирования, позволивших прогнозировать острые фазы кризисов и своевременно их предотвращать.

Новые возможности развития капитализма значительно, как полагал Троцкий, уменьшают шансы СССР в противостоянии двух мировых систем. В то же время опасность бюрократического перерождения рабочего государства в этих новых условиях только возрастает. «Чем дольше СССР остается в капиталистическом окружении, тем глубже заходит процесс перерождения общественных тканей. Дальнейшая изолированность должна была бы неминуемо завершиться не национальным коммунизмом, а реставрацией капитализма. Если буржуазия не может мирно врасти в социалистическую демократию, то и социалистическое государство не может мирно врасти в мировую капиталистическую систему».[51] Поражение социалистического государства в противостоянии с мировой системой капитализма может быть обусловлено как внешними, так и внутренними факторами. В первом случае речь может идти как о военном столкновении, так и о «товарной интервенции», о чисто экономических способах разрушения экономической основы существования рабочего государства. Во втором случае бюрократическое перерождение СССР может зайти настолько далеко, что сделает возможным внутренний контрреволюционный переворот. «Бюрократия не господствующий класс. Но дальнейшее развитие бюрократического режима может привести к возникновению нового господствующего класса: не органическим путем перерождения, а через контрреволюцию. Именно потому мы называем сталинский режим центристским, что он выполняет двойственную роль: сегодня, когда уже нет или еще нет марксистского руководства, он защищает своими методами пролетарскую диктатуру; но методы эти таковы, что облегчают завтрашнюю победу врага. Кто не понял этой двойственной роли сталинизма в СССР, тот не понял ничего».[52]

---

[50] *Троцкий Л. Д.* В защиту марксизма. С. 43–44.

[51] *Троцкий Л. Д.* Преданная революция. С. 249.

[52] *Троцкий Л. Д.* Классовая природа советского государства. 1 октября 1932 г. // Бюллетень оппозиции. 1933. № 36–37. С. 41.

Таким образом, можно констатировать, что Троцкий сумел не только дать критическую оценку первых шагов социалистического строительства в СССР, но и сумел предвидеть многие из проблем, возникших после второй мировой войны в противостоянии систем капитализма и социализма, а также указать на внешние и внутренние опасности, способные привести к уничтожению первого пролетарского государства.

1.3. Превращение марксизма в идеологию

Исторические судьбы социализма в СССР складывались так, что вскоре после первых его шагов свободная критическая оценка приобретенного на этой ниве опыта – будь это критика «справа», или критика «слева» – оказалась невозможной. Аналогичная ситуация складывалась в это же время и в Германии, Венгрии, Италии и других странах, где марксизм играл заметную роль в идейной полемике. Так, например, «Грамши весьма часто приходилось отказываться от общепринятых марксистских терминов, заменять их условными выражениями, такими, как философия практики (исторический материализм, марксизм), elite, «современный государь» (партия), социальная группа (класс), государство-сила (диктатура пролетариата) и т. п., порой даже заменять имена описательными псевдонимами».[53]

Но отсутствие возможности свободных дискуссий не могло заглушить чувства явной неразумности складывавшейся советской действительности. В СССР также стал формироваться язык «условных выражений», на котором, в частности, марксистская догматическая философия стала именоваться «вульгарным социологизмом». В 20-е и 30-е годы этот термин гарантировал безошибочную навигацию в мире идей, так как ни о какой «не вульгарной» социологии речи быть вообще не могло. Самыми известными борцами против вульгарного социологизма были, по общему признанию, Г. Лукач и М. А. Лифшиц, позиция которых была предопределена: понимая, что в утверждающихся идеологических формах вульгарный социологизм неизбежно оказывается тождественным любой отклоняющейся от марксистского догматизма социальной теории, они пытались опередить само отклонение, подвергая критике само существо социальной догматики. Но область знаний, где они осуществляли подобные операции, уже исключала из себя непосредственный предмет социально-политической рефлексии и ограничивалась главным образом проблемами эстетики и искусства. Сложилась ситуация, которую и несколькими десятилетиями позже многие осознавали как неизбежную: «мы … полагали, что „мировой дух“ давно уже покинул нашу философию. А если он где и присутствует – то в эстетике, где можно было более свободно толковать марксистские понятия. Что-то сделать в философии, как тогда казалось, можно было, лишь не затрагивая впрямую ее официальных догм».[54]

Период превращения марксизма в государственную идеологию предполагал специальную работу по систематизации идей Маркса и Энгельса, которая проводилась не только в самом СССР, но и усилиями журналистов, идеологов и теоретиков рабочих партий Европы. В каком-то отношении эта работа была продолжением того, что начиная с конца 1890-х годов уже делали Ф. Энгельс, К. Каутский, Э. Бернштейн, П. Лафарг и другие. Но многие из этих ранних систематизаторов в 20-е годы уже зарекомендовали себя в СССР как правые оппортунисты, как сторонники представлений о преждевременности Октябрьской революции и поэтому критически настроенные по отношению ко всему тому, что за ней последовало. В то же время, как мы показали в первом разделе нашей работы, формирование «ортодоксального» марксизма в СССР совпало по времени с поворотом в политике правящей партии в сторону социал-реформизма, получившего название «новой экономической политики». Поэтому систематизация марксизма сохраняет общий ориентир на редукционистский схематизм, выразившийся прежде всего в «пятичленке», учении о пяти общественно-экономических формациях, и на «экономический материализм», отождествлявший общественное бытие со способом производства и господствующими экономическими отношениями.

---

[53] *Грамши А.* Тюремные тетради // Грамши А. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. М., 1959. С. 6.

[54] «Дух мировой тогда осел в эстетике» (Интервью с Ю. Н. Давыдовым) // Давыдов Ю. Н. Труд и искусство: Избранные соч. М., 2008. С. 17.

Важно отметить то обстоятельство, что учреждения, на которые руководством партии возлагалась работа по систематизации марксизма, в 20-е годы активно сотрудничают с зарубежными организациями. Наиболее показательный пример – взаимодействие Института Маркса и Энгельса под руководством Д. Б. Рязанова в Москве и знаменитого Института социальных исследований во Франкфурте-на-Майне, вначале возглавлявшегося К. Грюнбергом, а затем М. Хоркхаймером, института, вокруг которого сформировалось одной из наиболее авторитетных течений неомарксизма, получившее название «франкфуртской школы».

Превращение марксизма в идеологию с самого начала понималось двояко – во-первых, как решение задач чисто апологетического характера, как оправдание и обоснование действий правящего класса, какими бы они ни были, а во-вторых, как разработка определенного набора методологических установок, позволявших «специалистам по марксизму» выступать в роли идеологических надсмотрщиков в области естествознания и гуманитарных наук. Соответственно те, за кем осуществлялся надсмотр, должны были эти установки осваивать и эффективно применять их в своих научных исследованиях. Эта идеологическая функция очень скоро начинает представляться чем-то настолько самоочевидным, что никто и не вспоминает, что сами Маркс и Энгельс слово «идеология» употребляли исключительно в негативном смысле, обозначая им форму ложного сознания, искажающего реальность в соответствии с классовыми, сословными и групповыми интересами. И если первая – апологетическая – задача еще в какой-то мере допускала обращение к «полезной лжи» марксизма как идеологии, то вторая – методологическая – в корне такому обращению противоречила. Но процесс превращения марксизма в идеологию имел непреложно универсальный характер, и эти, казалось бы, явные несуразности оставались незамеченными.

В то же время относительно легко был достигнут консенсус относительно того, что именно в этой новой идеологической форме должно быть принято в качестве безусловных принципов. Во-первых, это представление о закономерной и неизбежной смене капитализма новым бесклассовым строем, основанным на отсутствии частной собственности. Во-вторых, представление, что такого рода смена капитализма социализмом может произойти только путем революции, в которой ведущую роль должен играть пролетариат. В-третьих, представление, что политический режим, в рамках которого пролетариат берет власть в свои руки и осуществляет социалистические преобразования, может быть только диктатурой пролетариата. В-четвертых, обязательными оказывались некоторые признаки грядущего коммунистического общества – его бесклассовый характер, отмирание государства, господство общественной собственности, принцип распределения благ по труду, социальное равенство и т. д. Методологический аспект марксизма как идеологии предполагал материализм и диалектику в качестве неоспоримых принципов естествознания, материалистическое понимание истории, классовый подход и сведение всего многообразия явлений общественной жизни к их экономическим основаниям – в качестве принципов наук об обществе и человеке.

Параллельно этому идеологическому окостенению марксизма происходит зарождение и формирование довольно сложного комплекса идей, основанного на акцентировании идей историзма и подчеркивании связи марксистской теории с идейным наследием Гегеля. В развитой форме этот комплекс идей, собственно говоря, и принято называть «неомарксизмом», который, разумеется, пока еще, в 20-е годы, не имел в своем распоряжении концепций отчуждения, тотальности и некоторых других теоретических конструктов, с которыми в наше время это течение связывается в первую очередь. Но «неомарксизм» закономерно возникает в противостоянии процессу превращения марксисткой теории в идеологию, и совершенно неслучайно его зарождение, связанное с именами Г. Лукача и М. А. Лифшица, географически происходит именно в СССР. Тематизированный ими объект критики – вульгарный социологизм – по своей сути ничем не отличался от официальной идеологической трактовки материалистического понимания истории, сводившейся к элементарному экономическому редукционизму: «Мате-

риалистическое понимание истории вполне оправдывает свое название именно тем, что все разнообразие развития общественных форм выводит прежде всего из происхождения человека от животного, из того, что главной движущей силой его развития является эволюция материальных орудий труда, под влиянием окружающей материальной природы, для удовлетворения материальных потребностей, что, следовательно, развитие производительных сил есть главная движущая пружина и что от этого развития производительных сил в первую очередь зависит на каждой данной ступени развитие формы связи и общественных отношений людей между собой, – то, что Маркс назвал производственными отношениями".[55] Важной предпосылкой формирования оппозиции официальному догматизму и вульгарному социологизму служил тот факт, что Институт Маркса и Энгельса, где работали Г. Лукач и М. А. Лифшиц, занимался не только изданием и комментированием трудов Маркса и Энгельса, как и других классиков социалистической мысли, но и научными исследованиями. Институт выпускал в свет свои периодические издания, «Летописи марксизма», «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса», где публиковались ранее неизвестные тексты, неизбежно вносившие коррективы в сложившееся представление о марксисткой теории. Так, в результате уже упоминавшегося сотрудничества Института Маркса и Энгельса с Института социальных исследований во Франкфурте-на-Майне появились на свет знаменитые «Экономическо-философские рукописи 1844 года», которым было суждено оказать решающее влияние на дальнейшее развитие марксизма.

Общее представление о превращении марксизма в идеологию было бы неточным, если его изображать исключительно в черно-белых тонах, разбивая всех участников этого процесса на сторонников и противников идеологизации марксистской теории, на «догматиков» и противников догматизма, критикующих его под видом вульгарного социологизма. Реальная история гораздо сложнее, и многие ученые 20-годов, как в области естествознания, так и в гуманитарных науках, пытались избежать противостояния и находили различные формы компромиссных решений. Так, например, признавая руководящую роль марксистского метода, Л. С. Выготский считал необходимым различать «панцирную» и «позвоночную» методологии: «Можно искать у учителей марксизма не решение вопроса, даже не рабочую гипотезу (потому что они создаются на почве данной науки), а метод ее построения. Я не хочу узнать на дармовщинку, скроив пару цитат, что такое психика, я хочу научиться на всем методе Маркса, как строят науку, как подойти к исследованию психики… Не случайные высказывания нужны, а метод».[56] С марксизмом Л. С. Выготский вполне искренне связывал возможность выйти из того кризиса, в котором оказалась психологическая наука в начале XX столетия.

Некоторые ученые-гуманитарии хотя и не возлагали на применение марксистского метода столь радужных надежд, но полагали, что внешние признаки ритуальной приверженности марксистской идеологии не смогут помешать исследованиям, например, историко-философского характера, где сам предмет изучения должен быть, как они полагали, свободен от идеологических оценок. Самый известный пример такой позиции – это труды В. Ф. Асмуса, на протяжении многих десятилетий считавшиеся образцом академического объективизма и высочайшей исследовательской культуры. Вместе с тем самой интересной работой В. Ф. Асмуса, наиболее откровенно выражающей его убеждения, является его первая книга «Очерки диалектики в новой философии»,[57] написанная под явным влиянием Г. Лукача и его книги «История и классовое сознание». Видимо, сложившаяся ситуация оценивалась самим Асмусом как временная, и он считал возможным, не меняя своих убеждений, ускользнуть от идеологических требований обязательного следования марксистскому методу, избрав такой предмет исследова-

[55] *Горев Б. И.* Очерки исторического материализма. Харьков, 1925. С. 101.

[56] *Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6-ти т. Т. 1. М., 1982. С. 421.

[57] *Асмус В. Ф.* Очерки диалектики в новой философии. Киев, 1924.

ний – историю философии – который будет в силу своей специфики надежно защищен от идеологических посягательств. Проще говоря, воспринимая проводников идеологической деформации марксизма как людей недалеких и малообразованных, Асмус и его единомышленники были уверены, что у надсмотрщиков от идеологии не хватит ума и компетенции вмешиваться в исследования столь сложного предмета, а потребность в его изучении тем не менее будет сохраняться и, возможно, даже расти. Ту же позицию можно обнаружить в работах грузинских ученых-гуманитариев, поддерживавших связи с академическим миром Германии.[58]

Очевидно, что вполне определенную связь с идеологизацией марксизма имеет хорошо известная проблема «девтероканонического» Бахтина, или, как эту же проблему называют иными словами, «Бахтина под маской». Речь идет о работах В. Н. Волошинова «Фрейдизм» и «Марксизм и философия языка», о работе П. Н. Медведева «Формальный метод в литературоведении» и ряде статей, подписанных этими же авторами, а также И. И. Канаевым.[59] Авторство этих работ, как филологическая проблема, предполагающая текстологический анализ, считается неразрешимой загадкой, если не допустить, что при создании этих работ сам Бахтин сознательно отошел от современного понимания авторства. Намеренно привнося в процесс публичной репрезентации своих текстов элемент игры, карнавала, Бахтин возвращал проблеме авторства ее «до-современное» значение. И если учесть, что диалог привлекал его и с содержательной, и с формальной стороны, то, возможно, небезосновательной окажется гипотеза об особом внимании Бахтина к диалогам Платона. Вопрос о том, кто является автором философского учения, излагаемого в этих диалогах, должен, строго говоря, оставаться открытым, так как, если подойти к проблеме не с историко-философской точки зрения, а с точки зрения филологии и исходить исключительно из имеющихся в нашем распоряжении текстов, то никакой «философии Платона» мы не обнаруживаем, и Платон предстает только как автор, записавший диалоги своего учителя. Но если исходить из историко-культурного контекста, а не из текста, то мы получаем зеркально противоположную ситуацию, так как единого образа Сократа в дошедших до нас источниках нет, Аристофан отождествляет его с софистами, и поэтому вполне допустимо предположить, что Сократ является вымышленным героем диалогов Платона, в уста которого Платон вкладывает свои самые сокровенные мысли, тем более что и сам Сократ, настаивая на «ученом незнании», отрицает, что обладает каким-либо учением, содержащим истину. Майевтика Бахтина, как и диалектика Сократа, предполагала, что «другие, для которых моя мысль впервые становится действительною мыслью (и лишь тем самым и для меня самого), не пассивные слушатели, а активные участники речевого общения».[60] Более того, «событие жизни текста, то есть его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов».[61] Поэтому тексты «Бахтина под маской» являются реализацией одной из сторон его мышления, а выбор их авторов представляет собой чисто формальную процедуру. В то же время, нельзя исключать, что проблема «Бахтина под маской» была связана и с проблемой ответственности, в том числе и политического характера. «Чтобы уяснить это, необходимо рассмотреть тему авторства…

в свете фундаментального вопроса о генезисе в рамках экзотерической духовной традиции (религиозной, интеллектуальной, художественной, идеологической) мыслительной эзотерики. Такой эзотерики, которая не порывает с экзотерической традицией, а трактует ее, прежде всего ее язык, как необходимую профанную ступень в прояснении внутриприсущего этой традиции, хотя и потаенного, верховного знания. Парадоксальным (для новоевропейского

---

[58] См. например. *Бакрадзе К. С.* Проблема диалектики в немецкой философии. Тбилиси, 1929; *Нуцубидзе Ш. З.* Введение в философию. Тбилиси, 1920; *Нуцубидзе Ш. З.* Основы алетологии. Тбилиси, 1922; *Узнадзе Д. Н.* Основы экспериментальной психологии. Т. I. Тбилиси, 1925.

[59] *Бахтин М. М.* Тетралогия. М., 1998.

[60] *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 275.

[61] Там же. С. 285.

сознания) следствием такого эзотеризма нередко выступала анонимность его родоначальников, сознательное стушевывание авторов входящих в его „золотой запас“ произведении. Одним из самых замечательных примеров такого сокровенного эзотерического авторства является гениальный создатель так называемого Ареопагитского корпуса (4 трактата и 10 посланий), укрывшийся под псевдонимом Дионисия Ареопагита… Суть, однако, в том, что историко-культурная ситуация Бахтина и его школы в рамках марксистской традиции после установления в 1924–1925 годах в РКП(б) и во всех партиях III Интернационала ленинского канона марксизма (канона вульгарного ленинизма) была типологически сходна с ситуацией Псевдо-Дионисия в рамках послеканонной христианской традиции. На нее наложилось нежелание ряда марксистски ориентированных интеллектуалов Советской России и Запада порывать с марксизмом как жизненным элементом левого существования. Именно эта ситуация породила феномен, избирательно сродный с эзотеризмом Псевдо-Дионисия. Я имею в виду эзотерический марксизм 20-х годов, каким он предстал в нашей стране в работах Бахтина и его школы, а также В. Асмуса, Н. Берковского, Л. Выготского и его школы, М. Лифшица и „Литературного критика“, А. Неусыхина. На Западе в работах Г. Лукача, К. Корша, А. Грамши, А. Паннекука, М. Хоркхаймера и Франкфуртской школы. Именно с этого момента марксистский эзотеризм приобретает черты, свойственные всякому эзотеризму: это темнота, пренебрежение внешней систематичностью ради нелинейной логики мыслительных обрывов и фрагментаций; предпочтение, оказываемое амбивалентности изречения перед однозначностью развернутого высказывания; постоянное упование на „мудрость языка“, на корнесловие и имяславие; приурочивание смысла не столько к речи, сколько к дискурсу молчания».[62]

Тот факт, что избираемые в СССР способы противостояния идеологизации марксизма не были случайной находкой, а органически вырастали из самого существа аутентичной марксисткой теории, подтверждается случаями параллелизма теоретических открытий. Так, например, синтетическая теория искусства И. И. Иоффе[63] и концепция искусства, изложенная В. Беньямином в работе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости», приходили к одним и тем же выводам. И Иоффе, и Беньямин были и последовательными марксистами и сторонниками «синтетических» методов исследования. В их концепциях все феномены культуры не только обнаруживали свою социально-экономическую обусловленность, но представали элементами единой формации. Географические открытия, естественнонаучные опыты, новые промышленные технологии, меняющиеся способы коммуникаций, археологические артефакты понимаются ими как моменты единого эволюционного процесса. Искусство рассматривается как одна из социальных практик и изучается только в связи с другими. И. А. Иоффе многие художественные феномены объяснял недостаточностью развития производительных сил и полагал, что большинство традиционных сюжетов в искусстве обретет новый импульс развития благодаря пролетариату, в силу чего подлинная история искусства еще ожидает своего начала. Он считал, что эпоха господства слова в искусстве закончилась, и дальнейшее художественное развитие человечества будет связано с новым синтетическим искусством – кинематографом. Кино преодолевает национальные барьеры, оно демократизирует культуру. Кино олицетворяет собой переход от храма к рынку, оно упраздняет искусство для избранных и превращает его в функцию товарно-денежных отношений. В СССР многие из идей И. И. Иоффе было незаслуженно забыты, и отечественный читатель познакомился с ними только тогда, когда были переведены работы В. Беньямина.

---

[62] *Земляной* С. Что такое эзотерический марксизм? // Независимая газета. Приложение «Книжное обозрение „Ex libris НГ“». 1999. 28 янв. (N 3). С. 3.

[63] *Иоффе И. А.* Избранное. Синтетическая теория искусств. Культура и стиль. М., 2010.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.